

Маргарита Блинова

ПЕЧАТЬ КАРАТЕЛЯ

Маргарита Блинова

Печать Карателя

Серия «Тяжелые будни»

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Маргарита Блинова – молодая писательница, автор произведений в стиле молодёжного фэнтези.

«Печать карателя» – отдельный роман по тому же миру, по которому написана популярная трилогия автора «Тяжелые будни», с главной героиней по имени Ангелина де ла Варга. Но предлагаемая история – совсем другая, и действует в ней новая героиня, хотя появляются иногда и знакомые персонажи.

В магическом мире выпускница полицейской академии поступает на службу в участок 9-9, известный суровыми нравами. Женщины здесь, конечно, работают, но только секретаршами и диспетчерами. Но что бы патрульными или следователями... ну уж нет! Однако Трис намерена доказать, что вполне подходит для такой работы. Обстоятельства складываются в её пользу, у героини есть все шансы добиться своего. Вот только за всё в этой жизни приходится платить. Устроит ли Трис цена? Подробности – в книге.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	53
Глава 4	73
Глава 5	92
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Маргарита Блинова

Печать Карателя

Глава 1

Слезы – не всегда свидетельство слабости, иногда слезы – лишь признак того, что ты оставался сильным слишком долго.

– Ага, попалась!

Я дернула рукой, чтобы успеть вытереть мокрые дорожки от слез, но оказалось поздно. Лейтенант Пэрри, перегнувшийся через лестничные перила, уже застукал меня в разгаре банальной женской истерики с душераздирающими всхлипываниями и истошными подвываниями от жалости к самой себе. А ведь я так надеялась, что в этом закутке меня не найдут даже ищейки. Выходит, зря.

– А я-то гадал, кто мучает филина, а это всего лишь ты сопли по щекам размазываешь, – ехидно усмехнулся мужчина. – Что, златокудрочка, сдулась?

Хотела было молча проглотить сказанное, встать и как ни в чем не бывало продолжить работать, но... а ну его! Надоело!

– Чего молчишь, соплежуйка? – лейтенант спустился и с

интересом уставился на мое зареванное лицо, а я закрыла глаза и откинулась назад, пытаясь понять, как докатилась до жизни такой «веселой»...

Нет, вот почему гений, изрекший: «Бойся своих желаний, ибо у них есть поганое свойство исполняться», не озаботился продолжить свою мысль и издать кратенькое пособие на тему: «Семь основных правил формулирования своих желаний, или как правильно мечтать»? Мне бы эта брошюрка ой как пригодилась.

Все началось с того, что в десять лет я пришла к родителям и заявила маме и отчиму под счастливым номером три, что после окончания школы стану ловить преступников, расследовать кражи и спасти империю от злоумышленников. Родители выслушали мою пылкую тираду, кивнули и не восприняли слова ребенка всерьез – да мало ли кто о чем в детстве мечтает? Все равно в дальнейшем при выборе профессии подростки с подсказки взрослых начинают руководствоваться тремя основными принципами: оплачиваемость работы, престиж и вероятность поступления в вуз.

В семнадцать я закончила общепрофильную школу, и вот тут-то родители и узнали, что дочь у них упрямая. Жутко упрямая!

В академию при департаменте правопорядка поступила с первого раза, так же безмятежно отучилась три года по специальности «следователь» и была вознаграждена за старания распределением в самое престижное место империи – уча-

сток 9–9, чтобы пройти годовую стажировку.

Нас было десять – девять парней и я.

Девушкам всегда трудно вписаться в мужские сообщества, но в участке 9–9 это оказалось в принципе невозможным. В то время, пока остальные выезжали на настоящие места преступлений и следили за работой старших коллег, я носилась по городу, как пьяный заяц по лесу.

Мой день в качестве стажера начинался с того, что я везла внуков капитана Балбери в садик и сдавала орущую ватагу воспитательнице. После делала крюк по городу, чтобы купить в кондитерской «Сладкая нега» свежих булочек для лейтенанта Пэрри, и неслась на всех парах в участок, чтобы не пропустить ежедневный сбор всех патрульных и следователей. Если по пути были пробки, сбор начинался с публичного унижения опоздавшей стажерки, если нет – я тихонько пробиралась в уголок комнаты, за спины ребят, и слушала сводки.

Затем другие стажеры ехали на полигон тренироваться, а я битых два часа сидела в кабинете и принимала заявления от впавших в маразм старушек с забавными шляпками из фольги, которые якобы экранировали тех от ментальной прослушки.

Обед проходил в атмосфере одиночества – если не считать сальных шуточек Дерёка, остальные стажеры со мной не общались. Патрульные считали нас пустым местом, и только следователи иногда вспоминали обо мне.

– Эй, детка! Метнись-ка для меня за кофе, а то аппарат в кафетерии варит жижу...

– Малышка! Вот отчеты прошлой смены, заполните стандартную форму и отнесите в архив.

– Сбегай в лабораторию и сдай результаты экспертизы по моему делу. И поживее, дорогуша, преступники не станут ждать, пока ты доползешь туда и обратно...

Всего раз я решила взбунтоваться, хлопнула дверью перед лицом очередной бабульки с прогрессирующим маразмом, поехала с другими стажерами на полигон. Взяла в руки тренировочное оружие, встала в ряд с остальными, благо в шлеме и защитных очках меня никто не признал, и высадила всю обойму точнехонько в яблочко, представляя в красном круге лицо лейтенанта Пэрри.

Когда я обернулась, узкие щелочки-глаза старшего инструктора в кои-то веки распахнулись. Такого от «детки», «малышки» и «дорогуши» никто не ожидал.

После этого меня отстранили на трое суток «за своевольное появление на полигоне» и сделали пометку в личном деле. Я приуныла – три подобных прокола, и можешь говорить «прощай» работе в участке – и решила держаться в тени.

И вот спустя четыре месяца подобной стажировки, когда я возненавидела старушек, бюрократию, форму, весь мир в целом и решила чуток всплакнуть, лейтенант Пэрри и застучал меня в закутке под лестницей.

Оценив сопли, слезы и глубоко несчастный вид притулив-

шегося под лестницей стажера, лейтенант Пэрри скомандовал: «Поднимайся!» и повел меня наверх.

Вообще о лейтенанте надо рассказать отдельно.

Милмэн Пэрри был большой, вечно зудящей занозой в заднице у капитана Балбери, от которой тот никак не мог избавиться. Лейтенант был гением сыска и неизлечимым бунтарем. Причем Пэрри было неважно, на кого бузить: на начальство, стажеров, систему охлаждения, кофе в столовой, морских котиков, мигрирующих на север, – под раздачу мог попасть каждый.

По-моему, лейтенанту просто нравился сам принцип прущего против течения упертого лосося. Но у рыб там хоть цель есть, а вот чем руководствовался лейтенант Пэрри – загадка.

Невысокий человеческий маг выглядел на сорок с хвостиком, но в действительности ему могло быть и сто, или сто сорок. Ходили слухи, что у него большая семья, но мне было сложно представить себе женщину, способную выносить непростой характер лейтенанта.

Быть застуканным в минуту слабости Милмэном Перри равносильно тому, чтобы прикрепить к дверям список своих комплексов и слабых мест, а потом мужественно сносить шутки и подколы. Но, вопреки моим самым скверным ожиданиям, лейтенант заговорил совсем о другом.

– Златокудрочка моя! – петляя по запутанным коридорам участка, уверенно вел меня куда-то мужчина. – Ты, кстати,

в курсе, почему я так тебя зову? Нет-нет, не надо шмыгать носиком и напрягать голосовые связки. Я сам отвечу на вопрос, потому что единственное, что не раздражает меня сегодня – это звук собственного голоса. Так вот, в переводе на обывательский, «златокудрочка» – это дурочка с волосами цвета расплавленного драгметалла. И это, кстати, самое доброе, что я тебе скажу за всю твою недолгую карьеру в этом месте, так что можешь воспринимать сие за комплимент.

Я удивленно икнула и споткнулась.

– А теперь, соплежуйка, – мужчина схватил меня за плечо и вздернул на ноги, не давая завалиться на не слишком чистые полы, – я сообщу то, что тебе позабыли рассказать в той стране фей и прекрасных принцев, где ты до этого росла. Участок 9–9 – это филиал ада, и заправляет тут капитан Балбери, индивид, который убедил окружающих, что он милый морщинистый старикашка, но я-то знаю, что эта продажная сволочь отпочковалась от правого копыта лаэрда. Ты, конечно же, тешишь себя иллюзией, что сможешь стать патрульным с перспективой прорваться в следователи, но правда в том, что из десяти бестолочей, незаслуженно именуемых себя «стажерами», только половина окажется пригодной для работы. Смотри сама...

Лейтенант Пэрри остановился и ткнул пальцев в прозрачную перегородку, за которой располагалась общая кухня. Сдвинув вместе два стола, девять стажеров уплетали пиццу и громко смеялись, обсуждая последний вызов, на который

меня, естественно, никто не позвал.

– Давай займемся арифметикой, – язвительно-весело продолжил лейтенант Пэрри, поднимая руку и по очереди загибая пальцы. – На вундеркинда Ларса претендует лаборатория и отдел прогнозирования, а значит, он остается. Того двухметрового оборотня из горных медведей отрядят в сопровождающие к участковому Карателю. Мрачного типа в черном... О! Пожалуй, я буду звать его Солнышко! Паренька отправят в морг, потому что только с такой ровной нервной системой можно выдержать ту вакханалию горя, что там творится. Вон тот придурок, клеящий все, хоть отдаленно похожее на девушку, по имени Дерек – самый лучший маг из вашей десятки. Пятым в списке окажется Эмит. Не спрашивай почему. В участке даже почтовая урна уже в курсе, что папочка этого хлыща пожертвовал такой большой чемодан денег, что нашего насквозь коррумпированного капитана Балбери чуть удар не хватил! Всех остальных дергунчиков, которые по ошибке мнят себя стажерами, выпрут из участка. А теперь, златокудрочка, идем, я покажу твое будущее рабочее место.

Лейтенант отволок меня вниз, туда, где располагался пост дежурных, ответственных за прием заявлений, и подвел к дверям диспетчерской.

– Оцени количество женских особей на квадратный метр, – продолжил поучительный ликбез лейтенант. – Вот твое место.

Оглядела просторный кабинет, четыре ряда столов, где, уткнувшись в мониторы, сидели диспетчеры, и сжала кулаки.

– Это нечестно!

– Это реальный мир, – криво улыбнулся лейтенант. – И знаешь, бестолочь моя наивная, почему я все это тебе говорю? Лишь затем, чтобы через пару недель, когда тебя сломают жернова системы и переведут сюда, ты помнила о том, что злой и честный дядя Пэрри тебя предупреждал, и плевала в мой кофе не чаще одного раза в неделю.

Я несколько растерянно обвела глазами диспетчерскую. В академии нам вдалбливали, что мы – слуги закона и наша задача ловить тех, кто этот закон нарушил, а что получается теперь? Слуги закона – все, кроме женщин? Дискриминация какая-то!

– А знаете что, лейтенант Пэрри, – с вызовом посмотрела я на криво усмехающегося мужчину, чувствуя небывалый подъем. – Может, я не такая умная, как Ларс, у меня нет магии, как у Дерека, и богатого папочки, как у Эмита. И да, физически я не сильнее Бурого, и, может, нервы у меня не такие крепкие, как у вон того мрачного... Его, кстати, Корком зовут. Но знаете, я тоже кое-что могу. Меня не засадят за телефонные звонки и приготовление кофе. Я соображаю. И очень даже неплохо соображаю, поэтому стану следователем. Возможно, даже самым лучшим следователем в этом участке.

– А знаешь что, златокудрочка... – Лейтенант Пэрри склонился к моему лицу и улыбнулся. – А мне плевать!

На том общение и закончилось, но желчная тирада лейтенанта оказалась пророческой. Спустя три месяца меня зарубила аттестационная комиссия, решив, что «...физические показатели Беатрис Петрак в спортивном кроссе ниже среднего уровня».

Это у меня-то, у трехкратной чемпионки академии по бегу?! Да они издеваются!

Именно эту мысль я и озвучила главе аттестационной комиссии, за что получила второе предупреждение и отстранение от работы на три дня. Но если кто-то думал, что эти семьдесят два часа я потрачу на горестные всхлипы в подушки и причитания «зачтожезачтожезачто», то крупно просчитался. Я была полна решимости отстаивать себя и свою мечту.

«...в связи с вышеозвученными причинами, предоставленными заключениями от врачей и спортивными наградами, прошу поставить под сомнение результат комиссии и настаиваю на проведении повторной аттестации...» – мысленно репетировала заготовленную речь, пока тряслась в переполненном автобусе.

Департамент имперских служб, куда я направлялась, находился в центральной части города, среди массива старого фонда. Здесь практически не осталось жилых зданий – всех переселили в современные «свечки», а прежние виллы и резиденции отошли в распоряжение имперскому совету.

Сам департамент поражал взгляд монументальностью и красотой многовековой постройки. Массивное здание из серого мрамора, с изысканными фресками и замысловатой лепниной на фасаде, с рядом молочно-белых колонн, объединенных в полукруглую колоннаду, и трапециевидным фронтоном с изображением дракона над входом.

Как тут можно работать?

Верить в то, что даже такой архитектурный шедевр может примелькаться, когда проводишь в нем по восемь рабочих часов в день, почему-то не хотелось.

Пока я восхищенно таращилась, застыв возле ряда отполированных временем мраморных ступеней, на меня налетел какой-то парень, извинился и побрел прочь. Плечи опущены, взгляд направлен на носки черных, начищенных до блеска сапог, руки в карманах брюк. Он, как и я, был в темно-синей парадной форме, общей для военных, охраны и полиции, но из-за темных длинных волос, разметавшихся по спине и плечам, разглядеть нашивку со званием и местом службы не удавалось. Кажется, там был меч на зеленом фоне, а может, секира. Сложно сказать.

Что-то в этом парне мне не понравилось, зацепило, заставило проводить взглядом. Было какое-то несоответствие в походке и движениях, но я махнула рукой на привычку всюду искать загадки – не время, и начала торопливо подниматься по ступенькам входа в учреждение.

Отдел жалоб и разбирательств располагался на третьем

этаже левого крыла. Светловолосая, ясноокая секретарша вежливо улыбнулась и попросила подождать – высокое начальство джуже занято. Скоротать время ожидания предлагалось на низкой лавочке, расположенной справа от входа. Чем таким важным был занят глава отдела, я поняла уже спустя пару минут – проигнорировать аромат кофе и взрывы хохота, доносящиеся из-за плотно закрытых дверей красного дерева, не смог бы никто.

Все это время секретарша с серьезным видом перекладывала бумаги, имитируя работу, исподтишка читая спрятанную под столом книгу. И что-то подсказывало – на ее коленях не поправки в рабочий устав, а потертый томик любовного романа.

«Кофепитие» продолжалось около часа. Все это время я кусала губы, обливалась потом и вся внутренне дрожала, но это ведь свойственно каждому человеку – переживать из-за будущего. Особенно если боишься, что мечты могут и не сбыться.

Дверь из красного дерева, которую я так старательно сверлила взглядом, распахнулась в тот момент, когда я, окончательно упарившись, выкручивала левую руку, стараясь стащить с себя китель. Тот, ну вот как специально, застрял, зацепившись за пуговку на рукаве рубашки. Пока выпутывалась из одежды, кабинет покинули двое импозантных мужчин в черных костюмах, а затем в приемной показался невысокий суховатого вида мужчина.

– Эммочка, я уехал, – бросил он секретарше и был таков.

Запоздало сообразив, что нужный мне чиновник отчаливает восвояси, я поспешно вскочила, подхватила папку с документами и бросилась следом, кинув задержавший меня китель на лавку.

Не знаю, был ли мужчина магом, но перемещался он с запредельной скоростью. За секунду он успел преодолеть длинный коридор и уже начал спускаться по лестнице.

– Мистер Нэрвил!

Мужчина притормозил и обернулся, с удивлением рассматривая меня, и в этот момент пол под ногами ощутимо вздрогнул, послышался низкий, нарастающий гул, и здание затрясло в агонии землетрясения.

В академии нашему потоку читали курс выживания в экстремальных ситуациях. Курс был экспериментальным, значился факультативом, да к тому же вел его еще зеленый аспирант, по прозвищу Доцент. Практически вся наша группа забивала на дополнительный предмет, предпочитая заниматься куда более важными вещами – гулять, общаться, кланчить зачеты и валять дурака.

Я была ничем не лучше остальных и прогуливала пары «экстремалки», коротая время в любимой кафешке. Каково же было мое удивление, когда в середине семестра я вдруг осознала, что наш преподаватель поддался пагубному влиянию своих студентов и тоже отлынивал от занятий.

После обоюдного смущения Доцент подсел за мой столик,

и мы разговорились. Я с удовольствием послушала про то, как он, будучи студентом, прикалывался над профессорами, потом поделилась собственными историями из студенческой жизни. От кофе с десертом мы перешли к имбирному пиву с солеными орешками, а затем скрепили дружбу «Слезой дракона», напитком с таким высоким градусом алкоголя, что уже после первой стопки мне захотелось выдохнуть пламя и зарыдать.

Потом были долгие проводы меня до общежития, не менее долгое прощание на пороге моей комнаты и грустный вопрос:

– Что же я делаю не так?

– Понимаешь, Доцент, – влезла я с инициативой, – все дело в том, что только умные учатся в теории, всем остальным необходима практика! Причем большинству не хватает одной попытки, чтобы понять все раз и навсегда.

Преподаватель внимательно выслушал мою пьяную мысль, согласно икнул и пошел домой отсыпаться. Утром я очухалась с таким жутким похмельем, что поплелась к соседу по секции Владу, с которым была в жестких контрах, и попросила себя прибить, чтоб не мучиться. Всегда заносчивый, несносный парень выслушал мои стенания, сочувственно похлопал по плечу и предложил трехлитровую банку с рассолом. Я едва не прослезилась от счастья.

Но оказалось, что у братания с аспирантом были и другим последствия. Через неделю нашу группу вывезли на полигон

и преподавали практический курс выживания в экстремальных условиях. Мы бегали внутри горящего здания, тонули в болоте, злобно матерясь, улепетывали от голодной стаи шакалов, мужественно отбивались от обезьянок-умертвий и тихо проклинали чрезвычайно находчивого аспиранта.

Землетрясение он нам тоже пару раз организовал, правда, там еще попутно было извержение вулкана, но, главное, я уже обзавелась определенными рефлексами, и, пока мозг растерянно вспоминал, когда в Баренхолле была зафиксирована последняя сейсмическая активность, тело успело откатиться к внешней стене, занываться под широкий подоконник и сгруппироваться в позу младенца.

Вокруг гроыхало, трясло и гремело. Многовековое здание кряхтело и стонало от боли, медленно, но непреклонно прощаясь с прошлым величием. По стенам бежали паутинки трещин, рушились балки перекрытий, осыпались выбитые стекла, летела, забиваясь в рот и нос, горькая пыль. Сквозь этот грохот изредка пробивались крики людей.

Тишина пришла внезапно и почему-то испугала еще сильнее, чем недавняя встряска.

Я еще какое-то время полежала в своем укрытии, но инстинкт самосохранения советовал, нет, настойчиво пинал и орал как резаный, чтобы я убиралась отсюда как можно скорее.

Оценив собственное состояние – царапина на бедре, пара синяков от просвистевших мимо осколков камня, подня-

лась. Пол мелко вибрировал, словно его бил озноб от случившегося, периодически раздавался неприятный скрежет, но в целом стены стояли, а потолок не грозил обвалиться на макушку. Мраморная лестница осела, явив провал аж до первого этажа. Я быстро заглянула вниз, с печалью констатировала, что спуститься не получится, и двинулась по коридору назад.

В приемной, где я провела это утро, кривой буквой «у» громоздились два опрокинутых шкафа с документацией. Часть стены, примыкающая к кабинету главы отдела, обрушилась, на уровне глаз из стороны в сторону раскачивалась на остатках шнура трехрожковая люстра с магическими светильниками. Я протиснулась сквозь покореженную дверь и кинулась к столу в надежде найти там перепуганную секретаршу и... нашла.

Девушка лежала на боку рядом с опрокинутым стулом. Испуганные голубые глаза распахнуты, рот удивленно открыт, а к груди прижата деревянная рамка с фотографией. Привычно опустила на колено, пощупала пульс – уже не спасти. Захотелось повернуть рамку и узнать, портрет кого женщина прижимала к груди, но вовремя одумалась – для меня это праздное любопытство, но для нее нечто сверхценное.

Встала и кинула взгляд в выбитый прямоугольник окна. Как и предполагала, пострадало не только здание департамента. Два дома напротив... Их просто не было! Камни,

остатки колонн, куски сложившейся крыши и облако серой пыли. Да по сравнению с этим наш дрожащий мелкой дрожью департамент – олицетворение устойчивости и нерушимости! Вопрос – надолго ли?

Нервно облизнув искусанные губы, вернулась к столу и начала рыться в поисках информационной панели. Средство связи обнаружилось на полу, среди кипы бумаг, по экрану прошла трещина, но главное – аппарат работал.

– Вы позвонили по горячей линии экстренной службы спасения, – заученной скороговоркой выпалила диспетчер. – Что у вас случилось?

– Меня зовут Беатрис Петрак, в центре города произошло землетрясение...

– Вы ранены?

– Нет, но...

– Оставайтесь на линии, – перебила диспетчер и перевела разговор в режим ожидания.

С недоумением уставилась на панель. Повторила вызов.

– Оставайтесь на линии, – вновь не дослушала диспетчер и обрубил разговор монотонной мелодией.

Я нахмурилась. После случившегося линии диспетчеров должны быть под завязку забиты звонками и сообщениями от пострадавших и просто очевидцев случившегося. Диспетчерам приходится фильтровать звонки, отправляя неинформативных в режим ожидания.

Неинформативной я себя не считала, поэтому припомни-

ла злобную рожу лейтенанта Пэрри, его невероятный напор, уверенность, и повторила вызов.

– Вы позвонили по...

– Представиться по форме! – рывкнула я.

– Диспетчер Кайра Доминос, – опешила девушка.

– Разговор на закрытую линию, – приказала, дождалась щелчка и с напором продолжила: – Я из участка 9–9, нахожусь внутри здания департамента, не пострадала, и при возможности координации моих действий с патрульными на улице могу помочь выбраться другим жертвам землетрясения. Какова ситуация в городе на данный момент?

– Толчок был точечным. Обрушились пять ближайших от вас зданий. Это просто чудо, что департамент устоял.

– Меры по спасению?

– Технику не пропустили из-за вероятности обрушения дороги или повторного толчка. Пять патрулей уже в вашем секторе, пробираются через завалы, но у них приказ не заходить внутрь здания и помогать только тем, кто в зоне видимости.

Мозг лихорадочно обдумывал сложившуюся ситуацию, ища наилучшее решение, благо выход из ситуации у меня был, спасибо Доценту с его практическим курсом!

– Кайра, – позвала я, – свяжитесь с патрульными. Попросите всех магов остановиться у внешней стены департамента и приготовить магические сетки. Я оповещу выживших. Те, кто в состоянии передвигаться самостоятельно, будут пры-

гать из окон. Повторная связь через десять минут, канал оставить открытым и передать позывные всем патрульным этого района.

Отложив тонкий прямоугольник информационной панели, подтянула к себе старенький селектор, обмотанный синей полоской изоленды, в душе радуясь двум вещам: что отчим под номером четыре подрабатывал, чиня сломанную технику, и что имперские чиновники и по сей день пользуются таким вот старьем.

Как работает эта штука, я знала только в теории, но, потыкав по кнопкам, очень быстро сообразила, что к чему, нажала кнопку общей трансляции и заговорила.

– Внимание! – с трудом узнала собственный голос, пронесшийся эхом по зданию. – Говорит сотрудник участка 9–9 Беатрис Петрак. Все, кто способен двигаться, с максимальной осторожностью переместитесь к окнам, выходящим на главную улицу. Если рядом раненые, помогите им сделать то же самое. Спасателям запрещено входить в здание из-за возможности обрушения, поэтому всем желающим пережить эту трагедию придется прыгать из окон в сети патрульных.

Я повторила свое сообщение еще три раза, подхватила информационную панель и пошла к окну, намереваясь подать пример остальным, но тут в селекторе что-то надсадно щелкнуло, и он вновь ожил.

– Эй, девочка! Где ты находишься? – долетел сквозь ши-

тение и треск мужской голос.

Быстро вернувшись к столу, торопливо ответила. Здание начинало дрожать все сильнее, теперь на счету каждая секунда.

– Я из участка 5–9, застрял этажом ниже, общий зал... Сильно ранен, – собеседник говорил с трудом, делая большие паузы между фразами. – Надо перевязать раны...

Я заколебалась, не зная, как поступить.

– Трис, это не твое дело. Не надо геройствовать. Тем более что всех спасти не удастся, да и не оценит никто твоего душевного порыва. Своя жизнь дороже. – И, вопреки проведенному аутотренингу, нажала кнопку связи и коротко ответила: – Спускаюсь.

Действуя как можно быстрее, сорвала с карниза шторы, связала вместе, примерилась – достает моя импровизированная веревка до второго этажа или нет. Не достала. Пришлось тратить драгоценные секунды, пробираться в кабинет главы отдела и брать занавески оттуда.

Привязав конец «веревки» к батарее, выбила обломком стула остатки стекла, а затем перегнулась через подоконник и поползла вниз. За неимением третьей руки информационную панель сунула за ремень штанов. По закону подлости, не иначе, та завибрировала аккуратно в тот момент, когда я болталась, как мартышка на лиане, где-то между третьим и вторым этажом.

– Да!

– Эм... – замялся незримый собеседник, потом взял себя в руки и представился: – Патрульный Джонсон. Мы на месте. Вас подстраховать?

– Поздно! – прорычала я, нащупывая ногами десятисантиметровый выступ под окном второго этажа. – Времени мало, растягивайте сети.

– Понял, – проявил удивительное послушание патрульный, в то время как я протиснулась через половинку выбитого окна внутрь.

Отцепив вспотевшие пальцы от скрученных штор, спрыгнула с подоконника на чуть вибрирующий пол, быстро оглядела просторный зал и крикнула:

– Эй! Где ты?

Кто-то слабо застонал и пошевелился слева от меня, и я тут же рванула на звук. Пол под ногами уже не дрожал, как испуганная мелкая псина, он подрагивал и трещал, как хрупкий весенний лед под ногами. Идти, откровенно говоря, было страшно, но вариантов не оставалось. Решила спасать – делай.

Мужчина обнаружился в трех метрах от окна, у перевернутого стола, и одного взгляда хватило, чтобы понять две ошеломляющие вещи: первая – мне не дотащить его до окна, вторая – на полу, придавленный рухнувшей с потолка каменной балкой перекрытия, умирает Каратель.

– Перетяни рану на ногу, – не открывая глаз, попросил мужчина. – Я теряю слишком много крови.

Дернув с пояса ремень, я обошла пострадавшего, присела и осмотрела ногу. У Карателя был открытый перелом бедра, в десяти сантиметрах от коленной чашечки зияла жуткая рваная рана, из которой торчал обломок кости.

– Вы же Каратель, – растерянно прошептала, приподнимая и подсовывая под ногу конец ремня. – Я думала, вы все-таки сильны.

Мужчина издал тихий смешок-всхлип и наконец открыл глаза. В меня ударил ровный, обжигающе-прекрасный свет, заставив сердце замереть. Каратели были судьями Темных земель, защитниками равновесия, палачами для оступившихся, всемогущими и неподкупными. Им не было равных, потому что они не равнялись ни на кого.

– Беатрис, – он читал мои воспоминания и видел насквозь, – моих сил едва хватает, чтобы удерживать стены здания. Если я буду отвлекаться на такие пустяки, как боль и потеря крови, это местечко превратится в руины.

Я вздрогнула. Ох как же была права диспетчер. Нас действительно спасло чудо, имя которому невеста как оказавшийся в этом месте Каратель.

Мужчина снова прикрыл глаза и хрипло, как-то надсадно дышал ртом, а я принялась поспешно затягивать ремень выше раны. Вновь ожила информационная панель.

– Готовы! – коротко сообщил патрульный, и я потянулась к валяющемуся рядом селектору.

Дав команду выжившим, вновь повернулась к Карателю и

тихо спросила:

– Сделать еще что-то?

– Кровь ты остановила. Теперь уходи. Я проживу еще минут семь, потом здание рухнет.

Я встала и поплелась к окну.

Семь минут – это мало. Для перепуганных людей нужна смелость, чтобы прыгнуть в невидимую для глаза магическую сеть, для раненых нужны силы, чтобы преодолеть подоконник.

За моей спиной раздался тихий стон Карателя.

Остановилась. Поняла, что не могу уйти. Обозвала себя душой. Вернулась.

– Входя сюда, в здание департамента, я видела двух атлантов, поддерживающих своды. Знаете, почему их два? Из-за распределения тяжести груза. – Я присела рядом с мужчиной, протянула руку и крепко переплела свои пальцы с его холодными и дрожащими. – Можете использовать меня как передатчик. Часть энергии бросите через меня, часть потратите на себя, и тогда появится шанс удержать здание чуть дольше.

– Не дури! – как-то зло прикрикнул Каратель, но тут же стиснул зубы и застонал.

Я грустно улыбнулась:

– Тем, кто здесь застрял, нужно немного больше, чем семь минут, и я могу им их дать.

Он открыл глаза, глядя на меня карими глазами, словно

самый обычный человек, недовольно поджал тонкие губы и стиснул мою ладонь.

— Атланты, — выдохнул он, и меня поглотила мощь света, хлынувшего из глубин его глаз.

Было такое ощущение, что взорвалось солнце. Нет, взорвалась сотня небесных светил, и я нахожусь в самом эпицентре этого взрыва, в эпицентре смерти и жизни. У меня горело все тело, каждая клетка, через которую проходила чуждая для нее энергия, корчилась и умирала от боли. Я не видела, не слышала, не осязала, присутствовала только невероятная боль и ощущение собственной незначительности перед мощью света. Меня не было, меня уже давно развеяло на атомы, и только упрямая мысль, что надо терпеть и держаться, не давала мне уйти полностью.

А потом все закончилось. Оборвалось. Потерялось. Перестало существовать...

Через двадцать часов, когда нас нашли по чипу в информационной панели, заткнутой за пояс моих штанов, и откопали, спасатели увидели Карателя и труп мужчины.

Глава 2

Я таращилась сквозь лобовое стекло на возвышающийся впереди двухэтажный дом и тихо кипела от зависти. Жаба давила на горло зелеными перепончатыми лапками. Здравый смысл пытался достойно ответить на вопрос: «Почему я – страж закона и равновесия – должна ютиться в крохотной клетушке с тремя соседками, в то время как те, кто этот самый закон и равновесие преступают, сидят в своих дорожных хоромах и ноют о том, как им жить тяжело?»

Стоящий впереди коттедж можно хоть сейчас снимать для обложки модного журнала – тираж гарантированно сметут с прилавка. Высокое крылечко с примыкающей к ней терраской и просторная парковка для пяти машин. Первый этаж дома выложен из темно-коричневого кирпича и увит зеленым плющом, второй – оштукатурен и окрашен в бежевый цвет. Контраст сглаживали темно-коричневая черепица на крыше и в тон ей деревянная облицовка на больших окнах.

Очень красивый дом. И я, между прочим, тоже достойна жить в подобном.

– Трис! – грубо пихнули меня в бок.

Я в недоумении покосилась на напарника. Неужели не видит, что я тут ищу ответы на вопросы космического порядка? Не видит. Здоровенный детина, под два метра ростом, едва умещался на соседнем сиденье патрульного кара, ото-

двинутом назад до характерного щелчка. В одной руке недопитая бутылка с газировкой, в другой – очередной графический роман о супергероях.

– Как думаешь – Мачомен завалит Крысолова? – не отрываясь от чтения, пробасил парень.

– Кто-кто? – хотелось верить, что я ослышалась, но напарник повторил вопрос, а потом закрыл комикс и продемонстрировал обложку.

Несмотря на глубокую ночь, света от фонарей на подъездной дорожке вполне хватало, чтобы оценить полет фантазии некой М. Королек, выплеснувшийся в сие графическое творение. В моем понимании brutальный тип в синих трениках на фоне рыже-красного взрыва плохо ассоциировался с Крысоловом, а до Мачомена явно не дотягивал по внешним данным. Вопрос, как можно спасти людей в обтягивающей лайкре синего цвета и при этом не схлопотать в ближайшей подворотне от нормальных парней за щегольской видок, решила не поднимать. Комиксы появились на Темных землях относительно недавно, но уже имели головокружительный успех, и первым в неадекватных рядах фанатов стоял мой напарник.

– Интуиция подсказывает, что так просто это противостояние не закончится и читателям придется раскошелиться еще на одну часть.

Бурый остался доволен моим осторожным ответом, свернул комикс трубочкой и сунул его во внутренний карман по-

тертой куртки, а после заложил руки за голову и мечтательно улыбнулся.

– Трис, ты бы какую суперсилу хотела?

– Думаешь, мне мало сверхспособностей? – насмешливо фыркнула я.

– Так смысл в том, что можно выбирать, – глаза напарника загорелись. – Прикинь, можно испепелить человека, тронув пальцем, или мысли прочесть, или летать! Я, между прочим, в детстве очень хотел научиться летать... Чтобы так – раз! Оттолкнулся от земли и в небо.

Представила, как двухметровый напарник подпрыгивает и его полтора центнера легко и изящно взмывают в голубую высь с редкими белыми облачками, мысленно помахала Бурому ручкой, крикнула: «До свиданья, наш маленький мишка!» и уже в голос засмеялась.

– Все тебе хи-хи да ха-ха, – укоризненно глянул напарник. – Я тут самым сокровенным делюсь – детскими светлыми мечтами, а ты ржешь как конь.

– Ой, ну прости, прости! Забыла, что кое-кто у нас весь такой из себя ранимый и чувствительный, – принялась подтрунивать над коллегой. – Ты только не реви, когда на сто сороковой странице комикса выяснится, что Мачомен – троюродный брат Крысолова, и они оба влюблены в одну и ту же девушку.

Бурый прищурился и кинул на меня недоверчивый взгляд.

– Трис, ты же шутишь, да? Пегги и Пенелопа – это две разные девушки. Да и какие родственные связи, если Крысолов – сирота! Его же воспитали бездомные коты, сбежавшие из генетической лаборатории... Трис, прекрати так коварно улыбаться! Трис!

А я что? Я сижу себе тихонько, невинно хлопаю глазками и улыбаюсь. Вот пусть теперь голову ломает – придумала я весь этот бред или втихаря посмотрела финал, пока Бурый ходил на заправке за пончиками и газировкой.

Напарник эмоционально выругался и полез во внутренний карман за комиксом, но в это время перед коттеджем загорелся свет, тихо щелкнула входная дверь, и на крыльцо вышли двое мужчин. Невысокие гибкие тела, облаченные в черные штаны и серые свитера. Темные волосы, насупленные брови. Длинные руки и непропорционально широкие плечи. Один заметно моложе, не братья, но чем-то неуловимо схожи. Так бывает, когда близкие друзья становятся чуть ближе, чем родные.

– Труба зовет! – с нескрываемым облегчением прогудел Бурый, торопясь поскорее покинуть тесный для него полицейский кар.

Я чуть усмехнулась, наблюдая за попыткой напарника втянуть грудь, живот, ноги и руки, чтобы выбраться наружу, и легко выпрыгнула из кабины сама.

На улице холодно и зябко, а форма для Карателей была не самой теплой: сапоги до колена, плотные штаны из грубой,

но зато жароустойчивой ткани, и тонкий шерстяной свитер с одним рукавом. Левая рука от ключицы до кончиков пальцев, шея, левая лопатка и часть спины всегда оставались открытыми, кожу в этих местах покрывали золотисто-черные татуировки. Не то чтобы мы хвастались, просто иначе активированные печати прожигали ткань, а делать что-либо, когда у тебя полтела горит, малость затруднительно. Уж сколько вещей за эти три месяца после обретения силы я по глупости загубила!

Морозец ночи радостно кусал голую кожу и мягко, но предельно настойчиво карабкался за шиворот, поэтому дистанцию между парковкой и коттеджем я преодолела бодреньким шагом. Как оказалось – торопилась зря! Стоило подняться на крыльцо, как встречавшие нас каннисы синхронно скрипились, зажали носы большим и указательным пальцами и отступили.

– Вам в дом нельзя, – вместо «здрости» услышала я.

– Че это? – удивился Бурый, вырастая за моей спиной подобно огромной рыже-черной горе.

– Запах...

Я смущенно потупилась. Ох уж эти оборотни! Вот кто виноват, что у них такое острое обоняние? Ясен перец, что после двенадцатичасовой рабочей смены благоухают розами только продавцы цветов да парфюмеры, но можно ведь и как-то потактичнее сделать замечание. Вон Бурый тоже оборотень, но он-то промолчал.

Напарник наклонился к моим волосам, шумно втянул носом воздух.

– Запах как запах, – в итоге изрек он.

Но каннисы так не считали. Мужчины продолжали морщиться, отворачиваться и прикрывать рукавами носы.

– Так пахнут самки в Ночь песен, – наконец снизошел до объяснений тот, что постарше.

Я подавилась от неожиданности и судорожно закашлялась.

– Ааа... О! – изумленный Бурый посмотрел на меня, потом на каннисов, потом снова на меня и... заржал!

Нет, ну где совесть у этого мохнатого?

Пихнула напарника локтем по дрожащему от смеха пузу и с вызовом посмотрела на оборотней.

– Что делать будем?

– Альфа... сейчас выйдет... – старательно экономя воздух в легких, сообщил оборотень.

– Я буду долго помнить этот день! – давясь от смеха, признался Бурый, а я скривилась.

Растреплет! И к медиумам не ходи, растреплет всему участку! Уже к следующей смене об инциденте будут знать все, начиная от уборщицы и заканчивая желторотым стажером. Я даже представила, как пышущий сарказмом лейтенант Пэрри разразится очередной тирадой. Что-нибудь вроде: «Златокудрая моя бестолочь! Поздравляю тебя с официальным воцарением на престоле серых и хвостатых. Отны-

не и навеки веков участок запомнит тебя как ту самую Карательницу, под окнами которой выла ночи напролет стая. Кстати, звонили из парфюмерной лавки, предлагали гору денег за твое исподнее, и знаешь, что я сделал? Я сказал им код от твоего шкафчика в раздевалке, отдал связку ключей от квартиры и даже тот крохотный ключик от выдвижного ящичка стола, куда ты прячешь собственное самоуважение».

Я скривилась еще сильнее. Даже воображаемый, лейтенант Пэрри умудрялся наподдать моему чувству собственного достоинства.

Дверь снова хлопнула, являя миру и двум патрульным альфу Лиам. Широкоплечий брюнет с неповторимым ореолом власти и самодостаточности, хотя одет в просторные домашние штаны и серую майку с бирюзовой эмблемой оскалившегося волка. При виде меня глава стаи удивленно округлил выразительные глаза, мерцающие желтоватым светом, темные брови мужчины поползли вверх, а потом он втянул носом воздух и окаменел.

– Предупреждаю сразу, альфа Лиам, – раздраженной кошкой зашипела я в лицо живой статуе, – если еще хоть один каннис зажмет при мне нос, поморщится или отвернется, то я проведу массовый самосуд!

– Силенок-то хватит? – голос у альфы оказался под стать внешнему виду – четкий, рокочущий, с подавляющими нотками, и я как-то разом притихла и растеряла весь боевой напор.

– Это она только с виду дохлая, – встрял Бурый, недолюбливающий каннисов. – И вот еще... Альфа, учтите, через час закончится наша смена, и тогда ждать Карателя придется двое суток.

– Замена? – деловито уточнил каннис.

– Сомневаюсь, что управление посчитает причину «ваш Каратель пахнет как самка» существенной.

– Тогда прошу, – альфа вежливо подвинулся, пропуская нас внутрь логова.

В просторном холле царил полумрак, приятно пахло свежестью и сосновой хвоей. Откуда-то из глубины бокового коридора возникла женщина в черном глухом платье до колена, сунулась было, чтобы предложить гостям тапочки, но под взглядом альфы осеклась и сделала попытку слиться с интерьером.

– Сюда, – альфа Лиам сделал приглашающий жест в сторону деревянной арки.

Мы с Бурым молча прошлепали по темно-коричневой плитке пола в указанном направлении и оказались в просторной кухне-гостиной. Здесь тоже было темно, экономят, наверное, только в центре зала над вытянутым прямоугольником разномастных диванов, кресел и пуфиков горел одинокий фонарь. Вся стая, включая детей, женщин и стариков, собралась сейчас здесь и неприветливо косилась в нашу с Бурым сторону.

– Всем ночи, – тихо поприветствовала я сидящих канни-

сов и попыталась отыскать глазами добровольца. – Кто из вас Дариан?

Со своего места легко поднялся парень лет двадцати, наши взгляды встретились, и я вдруг почувствовала волну смущения и неловкости. Реакция была понятной, мне всегда нравились такие парни – высокие спортивные блондины с мягкими чертами лица и открытой улыбкой. Это были мои «белые киты» – недостижимые и привлекательные.

– Дариан, в участок 9–9 поступило устное заявление от альфы Лиамас на счет вашего признания в убийстве женщины и незамедлительном вмешательстве Карателя... – бубнил Бурый где-то на заднем фоне, пока я восторженно разглядывала идеал своих девичьих грез.

Если у оборотня еще и глаза голубыми окажутся, то я растекусь восторженной лужицей прямо у его ног. Эх, жаль, что ночью у всех каннисов глаза желтым светятся, а до утра парнишка вряд ли доживет.

– Лиам! – отчаянный женский вопль заставил меня вздрогнуть и вернуться к реальности. – Лиам, умоляю, пока не стало слишком поздно, отзови заявление. Стая должна сражаться за своих до последнего.

– Мама, не надо! – оборвал ее так понравившийся мне блондин и обвел собравшихся сородичей долгим взглядом. – Прошу уважать мое решение так же, как я люблю и уважаю всех вас.

Я завистливо вздохнула и попыталась представить, как

заявляю матери, отчиму под номером пять, сестре и брату нечто в этом же духе – не вышло. Мне бы мама за одну только попытку сознательно пойти на суд Карателя так настучала по мозгам, что я зареклась бы даже думать о подобном. А каннисы не только не спорят и не пытаются отговаривать – Дариан требует уважать его решение. Вот и думай после такого – это у меня семья неправильная или это каннисы какие-то не такие.

Пока я размышляла над семейными взаимоотношениями, парень попрощался с родителями и подошел к нам.

– Можно сделать это на улице? – попросил он с мягкой улыбкой в уголках губ. Вот как такому откажешь?

Бурый остался в гостинной, чтобы дать альфе на подпись бумаги о нашем прибытии и сориентировать родственников по дальнейшим действиям. Надеюсь, этот шутник не подсунет каннисам визитку своего друга-гробовщика. Тут и так все на взводе.

Идя следом за волчонком через гостиную и узкий коридор, ведущий из дома в сад, я размышляла над сложившейся ситуацией.

Около девяти вечера патрульные прошлой смены обнаружили труп в подворотне. Женщина средних лет зашла после работы в бар пропустить по стаканчику с коллегами, вышла на минутку покурить и обратно уже не вернулась. Привычные ко всему патрульные опечатали место преступления, отгородили щитом вход в подворотню, чтобы не смущать зе-

вак видом крови и художественно разбросанных по мостовой ошметков плоти и внутренних органов, и пошли опрашивать посетителей бара. Дело пахло глухарем, но на радость всем в 10:10 на пост дежурного поступил звонок от альфы Лиама.

– Я все никак не могу понять, – искренне недоумевал Бурый по дороге сюда, – зачем альфа сдал своего? Свидетелей не было, улики – тоже. Авторитет Лиама в управлении – о-го-го. Никто никогда не связал бы его волчонка с тем трупом из подворотни. Так зачем звать Карателя?

Я тогда только плечами пожала – не все ли равно? Позвал и позвал. А теперь сообразила – это был сознательный выбор Дариана.

Волчонок вообще очень сильно выбивался из ряда всех прочих, над кем я вершила суд. Обычно Каратели сваливались как снег на голову, поэтому за последний месяц работы насмотрелись мы с напарником всякого. Пьяницы, обжоры, насильники, лентяи, домашние тираны – да кого только не было в списках Карателей! Последнего кандидата Бурому пришлось вылавливать за ногу прямо из кровати, причем народу в той постели было столько, что в первый раз напарник ошибся и выудил не того. Я лицезреть разврат не пошла. Хватило того, что оборотень вышел из спальни красным и жутко смущенным, а после дежурства поехал в бар и напился до зеленых гоблинов.

У стеклянной двери, ведущей в раскинувшийся за домом

сад, Дариан притормозил, пропуская меня вперед, но едва я поравнялась с высоким парнем, тот резко, практически неуловимо качнулся вперед, уткнулся носом в мои спутанные светлые локоны и тут же отпрянул.

– Вы чудесно пахнете, – чуть смущенно улыбнулся он в ответ на мой вопросительный взгляд и опустил глаза. – Извините. Альфа велел вести себя рядом с вами достойно, но я не удержался. Еще раз извините.

Мы неторопливо вышли и побрели по садовой дорожке, выложенной белыми прямоугольниками, в сторону деревянной беседки. Настроение было гадким.

Теща себя надеждой, что все еще может обойтись, и убивать волчонка не придется, я оглянулась назад. Из дома беззвучно выходила понурая стая с альфой Лиамом в первых рядах. Бурый уже взгромоздился на деревянные перила веранды и с упоением листал страницы комикса. Вот она, многогранность момента: кому смерть, кому горе, а кому и развлечение.

Дариан, идущий впереди, даже не понял, что я уже приступила. Он пошатнулся, припал на одно колено, задышал глубоко, с легкими хрипами. На моей руке вспыхнули печати, а вокруг наших фигур, отрезая от внешнего мира, вырос золотистый купол света.

За спиной раздался коллективный восторженный вздох, а я попыталась увидеть себя глазами каннисов – колено-преклоненный Дариан перед маленькой девичьей фигуркой,

объятой непостижимой мощью света. Красота...

– Трис, не сачкуй! – прикрикнул со своего места Бурый, каким-то непостижимым образом угадывая, что я оттягиваю неприятный момент.

Пришлось немного поспешно притянуть сознание Дариана и нырнуть в его воспоминания.

До того, как стать Карателем, я даже и не предполагала, какой бардак царит в человеческих черепушках! Все равно, что подняться на бабушкин чердак: сломанные вещи, хлам, коробки с не пойми чем, лыжи, на которых никто не катался, пыль, паутина и полумрак. Человеческий мозг, как та бабушка, тоже жил по принципу «ничего не выбрасывать», складывая в своей памяти обрывки фраз, осколки воспоминаний, образы, сюжеты, звуки, обиды, и все это, уже давно забытое, валялось в пыли, ожидая своего звездного часа, который чаще всего так и не приходил.

«Чердак» Дариана оказался таким, как я его себе смутно и представляла: светлый, теплый и располагающий. Заглядывать по углам и рыться в глубинах не стала, нужное воспоминание лежало на поверхности.

Полгода назад парень поступил на курсы по юриспруденции, и альфа начал отпускать его в город одного. Вчера был вторник, группа сдавала зачет по теме: «Магическое налогообложение». Дариан отстрелялся в числе первых и был свободен как ветер в поле. Парень чуток поклонился по центру, зашел в пару магазинов, а потом словно кто невидимый

толкнул его сесть на остановке в первый попавшийся автобус и уехать прочь. Дариан решил, что это неудовлетворенная жажда приключений, и не стал сопротивляться порыву. Безрассудство привело его в незнакомый район, а ноги довели до ближайшего бара.

Место ему не понравилось – от подсобки несло забродившими соленьями, на полу медленно расплзалась лужа пролитого кем-то пива, да и компания – все сплошь взрослые и солидные люди, невесть как очутившиеся в этом захолустье, – не слишком радовала, но Дариан остался.

Жертва тоже была тут – женщина средних лет, с короткими светлыми волосами, в сером деловом костюме и легкомысленной нежно-розовой блузке с черной кружевной каймой на воротнике и рукавах. Дариан мазнул по ней незаинтересованным взглядом, сел за столик и начал листать меню, но вторая ипостась неожиданно зло зарычала, требуя контроля над телом. Понимая, что происходит нечто странное, Дариан потянулся к браслету на руке, видимо, рассчитывая связаться с альфой и сообщить о своем нестабильном состоянии, но коричневый ремешок неожиданно лопнул.

Все дальнейшее я видела в розовой дымке ярости и жажды крови. Потерявший контроль оборотень прокрался следом за блондинкой, решившей проветрить свои легкие дозой никотина, по пути трансформировался и бросился на жертву.

Он действовал странно: запрыгнул сзади, повалив женщи-

ну на мостовую, практически придушил, но потом зачем-то отпустил, оторвал запонку с рукава, перевернул жертву на спину и перегрыз ее ремень. И только после того, как пряжка серебряным росчерком полетела вслед за запонкой в кучу мусора, оборотень начал рвать еще живое тело женщины на куски. В какой-то момент сам Дариан отключился, а волк, ведомый инстинктами, самостоятельно вернулся в стаю, под защиту альфы.

– Виновен, – с грустью сообщила я, отпуская чужое сознание.

– Виновен... – эхом откликнулась заключенная во мне сила.

Она редко обрывала чью-то жизнь, ведь смерть устраняет причину, но не следствие нарушенного равновесия. Чаше приговоренному давался срок для того, чтобы попытаться исправить или устранить часть проблем, возникших после преступного злонамерения. Исключения составляли нераскаявшиеся социопаты, способные в отведенное время убить еще кого-то, и оборотни с неподконтрольной второй сущностью. Ведь если человеческая личность оборотня не в состоянии обуздать внутреннюю суть, то рано или поздно та возьмет вверх. В лучшем случае в лесу появится очень умный лось или хитрая белка, в худшем – высокоактивный людоед, одержимый постоянным голодом.

Я закинула левую руку за спину, со скрипом дотянулась до левой лопатки, слегка надавила, настраивая полное сли-

ание, и торопливо сместила ладонь к шейным позвонкам. Гладкая, отполированная сотнями ладоней Карателей рукоятка меча отделилась от тела и сама собой прыгнула в мою ладонь. Позвоночник привычно обожгло болью вперемешку с диким холодом, и я медленно потянула клинок, как никогда остро ощущая себя ножнами для той силы, что жила внутри.

Занесла меч для удара и замерла.

Со стороны может показаться, что Каратели – это машины для убийства, бездушные чистильщики, которых ведет неведомая сила, и именно такими мы становимся в конечном счете. Мы судьи, и мы же палачи. Нам даровано право на убийство или же нам даровано другое – право не совершать это убийство?

Что-то ударило в щит, я выплыла из накатившей задумчивости и оглянулась.

– Вот видите, альфа, – Бурый и каннис стояли около самой кромки барьера. – Если Трис еще разок зависнет, просто потыкайте в нее палкой, а ты, – укоризненный взгляд в мою сторону, – прекращай спать на ходу. Нам пора возвращаться в участок.

Я послушно кивнула.

Все, на этом исповедь утратила положенный ей драматический момент и превратилась в форменное безобразие.

Началось с того, что, пока я отвлекалась на Бурого, оборотень перевоплотился, и теперь в траве у моих ног сидел

молодой поджарый волк. Где-то полметра в холке, предсказуемо серый, с белым пятном на груди. Я еще успела разглядеть на внушительной морде немного необычные полосы более темной шерсти, когда хищник приподнял верхнюю губу, демонстрируя внушительные клыки, и кинулся вперед.

– А-а-а! – взвизгнула я и инстинктивно отшатнулась.

Тяжеленный меч, который я продолжала удерживать в замахе над головой, перевесил, и я со звучным «шлеп!» плюхнулась в мокрую от росы траву. Меч выпал из рук. Начав на положенный пиетет, оборотень вцепился в мою руку, обжегся о горящие печати и цапнул за голень.

– Нападение на Карателя! – проревел напарник фразу-до-ступ и ломанулся сквозь щит.

Пока я старательно отбрыкивалась от вцепившегося в подметку моего сапога волка, Бурый, став огромным медведем прямо в процессе движения, ударил когтистой лапой по серому боку Дариана. Тот отлетел в сторону, звучно впечатался в щит, после чего, издав короткое и злое «г-р!», сполз на землю. Запахло паленой шкурой.

Воинственно ревя, напарник кинулся добивать противника.

– Бурый, стой! – крикнула я, вскакивая с земли, схватила лохматую громадину за то, что под руку попало, дернула, отрывая от земли, и откинула в сторону.

Упс! Кажется, перестаралась.

Вращаясь и матерясь, огромная туша медведя просвисте-

ла по воздуху и пробила окно на втором этаже. Обиженно тренькнуло стекло, сквозь прямоугольную дыру сквозняком выдуло полупрозрачный тюль, сад огласил еще один замысловатый пассаж, а затем все стихло.

Я вжала голову в плечи и покосилась на альфу. Тот стоял с таким скучающим выражением на лице, словно летающие медведи каждый вечер выбивали окна его логова. Где-то в деревне залаяла испуганная собака, несолидно взвизгнула и смущенно умолкла, но ее тут же поддержал хор остальных бобиков, здраво рассудив, что вместе оно как-то позначительнее и однозначно веселее.

В черном прямоугольнике оконного проема показался напарник. Весь из себя такой грозный. Пасть оскалена, в глазах праведный гнев, за спиной реет кружевная занавесочка. Картинка, а не патрульный! Хоть сейчас рисуй для обложки комикса.

– И что это было? – рявкнул он.

– Исполнение светлой детской мечты научиться летать? – неуверенно выдала я.

Напарник взревел. Псы захлебнулись лаем и разом умолкли. Деревенские, выбежавшие из домов, чтобы всыпать разбредавшимся среди ночи псам по первое число, тоже перестали подавать признаки жизни. На «Хвосты» опустилась настороженная тишина, и в этой тишине я тихонько пропищала:

– Бурый, а волчонок не виноват... – То, что сморозила

глупость, достойную стажеров, почувствовала сразу – сгрудившиеся на крыльце каннисы вострепнулись и с надеждой уставились на меня. – То есть он, конечно же, виновен, точнее, Дариан действительно не может контролировать своего взбесившегося волка, но тот не виноват. Точнее, виноват, потому что загрыз женщину, но не виноват.

И тут, вот словно мало мне было проблем, вышеупомянутый оборотень внезапно вскочил на лапы и дал деру!

– Куда! – обиженно крикнула я, протягивая вслед каннису руки, но тот только махнул на прощание хвостом и растворился среди теней сада.

Бурый замысловато выругался, грузно прыгнул со второго этажа на клумбу и выругался еще разок, сообразив, что амортизатором падения выступили кусты шиповника.

– Некогда скулить! – рявкнула я, в два прыжка подбегая к коллеге и забираясь на его загривок.

Где-то на заднем плане уловила треск одежды поспешно трансформирующихся каннисов и короткий вой сорвавшегося с места в кусты альфы Лиама. Буркнув, что он не ездовой пони, напарник ломанулся следом. Несущийся впереди черный сгусток мрака, в котором с трудом угадывался глава стаи, играючи перемахнул двухметровый забор. Бурый на такие фокусы был не способен, поэтому, рыкнув: «Держись!», пошел на таран препятствия. Забор заскрежетал разом покосившимися опорами и не устоял перед натиском сердитого медведя.

За владениями стаи начиналось просторное поле с виднеющейся невдалеке темной полосой леса. Но волчонок, вопреки здравому смыслу, неся не по прямой, к лесу, а уходил по диагонали на юго-восток. Крупный и мощный альфа медленно нагонял сородича, но тот неся так, словно ему под хвост скипидара плеснули, а потом еще и подожгли.

Обгоняя нас, вперед метнулось пятеро волков: двое – красивого шоколадного оттенка, трое – стандартной серой расцветки. Рыжие ринулись к лесу, отсекая Дариана от чащи, где его сложнее было преследовать, серые неслись вдоль поля, помогая альфе взять пустившегося в бега волчонка в клешни.

Следующие пятнадцать минут волки носились по полю туда-сюда, пытаясь догнать и наcostылять собрату. Бурый сперва тоже попытался включиться в народную забаву, но уже через сто метров выдохся, устроил мохнатый зад на холмике и принялся следить за происходящим. Я притулилась рядом и виновато молчала.

– Как! – прорычал напарник. – Нет, ты мне объясни. Как ты это допустила?

– Он мне руку прокусил, – шмыгнув носом, пожаловалась я. – Печати, отвечающие за сдерживание и связь, перестали гореть. Вот посмотри, зашивать придется!

– Дело не в печатях! Ты засомневалась! – обвинительно ткнул в меня длинным когтем медведь и высоким голосом пропищал: – «Волчонок не виноват, то есть виноват, но не

виноват...» Трис, вот что это было?

– Бурый, – тихо позвала я напарника, – мне действительно кажется, что в этой истории что-то не так... Нет, погоди, не перебивай, слушай! Молодой волчонок убивает незнакомую женщину. Просто так, без причины и даже косвенного мотива, после чего сознается в содеянном и просит вызвать Карателя. С неподконтрольными оборотнями Каратели всегда поступают одинаково – их уничтожают, но я начинаю сомневаться в виновности Дариана, и тогда он нападает. По протоколу ты, как мой сопровождающий, обязан уничтожить того, кто попытается причинить мне вред. Но после того, как и тут расправа откладывается на неопределенный срок, волчонок веселым галопом мчится... – Я обозрела волчьи догонялки в чистом поле. – Короче, куда-то мчится! Бурый, мне одной кажется, что кто-то запрограммировал волчонка на смерть? Погоди! Есть еще кое-что непонятное – если для Дариана я пахну как самка, тогда почему же он напал? Я хочу сказать – это же каннисы! Самые повернутые на своих парах оборотни из всех представителей вашего вида. Я в хорошем смысле, не обижайтесь... – запоздало спохватилась я, кося в сторону застывшего рядом с нами волка.

– Каннис никогда не бросится на женщину, тем более на понравившуюся ему самку, – неожиданно поддержал тот. – Это инстинкты, через которые нельзя переступить.

– Кривые у паренька инстинкты, раз Карателя позвал, – отмахнулся Бурый, с нескрываемым азартом глядя за петля-

ющими по полю волками.

– Вот! – Я даже подпрыгнула от возбуждения. – Зачем прибегать к суду Карателя? Дариан знает законы и оставленные в них лазейки, но не идет в участок, а просит вызвать Карателя, хотя все знают – шансов получить отсрочку или помилование у него ноль. И еще – Дариан жертву видел впервые, но почему-то напал. Не знаешь, с чего вдруг такая агрессия к незнакомому человеку?

– Дай подумать! Мм... Вожжа под хвост попала? Нет-нет! Блохи загрызли! – хохотнул медведь, игнорируя недовольное рычание сидящего рядом каннуса. – Трис, волчонок спятил! Слетел с катушек! Помахал вслед уехавшей крыше! Какие еще тебе нужны объяснения?

– Ладно, – покорно кивнула я, – спишем все на бешенство и укус клеща, но...

В этот момент волчонок вспомнил, что он смертник, иначе зачем еще ему понадобилось красивой ласточкой сигануть вверх, перепрыгивая нагнавшего альфу, и рвануть к облюбкованному нашими задами холмику.

– Ой, дурак... – простонал сидевший рядом волк, прикрывая лапой морду.

Напарник огласил округу диким ревом и рванул в атаку. Я, успевшая в последнюю секунду схватить напарника за холку, болталась где-то сбоку, напоминая голодного клеща, вцепившегося в шкуру домашнего барбоса.

– В мою смену никто не сбежит. Сам прибыю этого хво-

статого!

– Бурый! – заорала я, чувствуя, что соскальзываю. – Клянись, если ты его хоть когтем тронешь, я выгребу все твои горячо любимые комиксы из ящика стола, выволоку все это графическое безобразие на улицу и устрою массовое сожжение прямо на крыльце участка! Ты меня знаешь, я могу!

Напарник действительно меня знал. Причем хорошо. Поэтому резко затормозил передними лапами и с размаху сел мохнатым задом во влажную траву. Меня подкинуло вверх и вперед, пролетев пару метров, я шмякнулась на спину идущего на таран Дариана. Волчонок становится ездовым почему-то наотрез отказался, упал на бок и крутанулся, подминая под себя. Я сдавленно крикнула.

Нет, это не волк! Это кабан какой-то!

Словно решив коллективно раскатать меня в блин, сверху налетел не успевший затормозить альфа Лиам, а потом внушительной розочкой на этом праздничном пироге жизненных неурядиц оказался Бурый. Не знаю, как остальные, а у меня кости трещали даже сквозь силовые щиты Карателя. Тем не менее я с трудом просунула левую руку между двумя каннисами и сжала шею Дариана. Сила хлынула внутрь оборотня, полностью подчиняя тело. Волчонок дернул лапами, его глаза засветились белым светом, и он затих.

– Слезайте уже! – заорала я, неучтиво пихая вожака стаи кулаком в черное брюхо.

К тому моменту, как остальные волки, участвовавшие в

догонялках, прискакали к нам, я уже сидела на траве, скрестив перед собой ноги, и сверлила недовольным взглядом лежащего в траве Дариана. Справа, подперев меня плечом, устроился перекинувшийся напарник. Форму для оборотней прошивали специальными нитями с восстанавливающейся структурой, поэтому все оборотни участка могли без проблем трансформироваться из животного в человеческий облик, будучи при полном параде, а вот Лиаму пришлось остаться в волчьей шкуре. Не то чтобы оборотни были стеснительными малыми, просто альфе по статусу не положено щеголять голым филеом.

– Проверила на ментальное воздействие? А остаточный фон? Что, и тактильной магией не фонит? М-да... – покачал головой напарник. – Трис, мы не можем привести волчонка в участок. Мы – простые патрульные, нас еще помнят как сопливых стажеров! К тому же для возобновления закрытого дела нужно что-то большее, чем подозрения и домыслы. Узнай лейтенант Пэрри о твоей самодеятельности, и...

Накаркал! На поясах завибрировали белые прямоугольники для связи, информируя, что упомянутый лейтенант Пэрри ждет объяснений о причинах нашей задержки.

Мы переглянулись, после чего я решительно встала.

– Тяни время.

– Трис, это Мэйсон Пэрри... – сделал большие глаза Бурый. – Он мое испуганное блеяние и слушать не станет!

В ответ хищно улыбнулась:

– На костер из твоих комиксов я созову всех желающих, и пока стажеры будут жарить зефирки, а Пэрри – разглагольствовать на тему никчемности патрульного, читающего нечто подобное, я начну медленно, с нескрываемым наслаждением рвать страничку за страничкой...

– Все, все! Хватит мотивации! – рыкнул напарник, дергая пластину связи.

Слушая далекое: «Да, сэр. Еще на вызове, сэр. Нет, златокудрочка пока не закончила... Лейтенант Пэрри, мне кажется, не стоит тревожить Карателя... Понял! Уже засунул свое личное мнение куда подальше...» я опустила перед Дарианом на корточки.

Огромный косматый волк скользнул в траве и устроился рядом.

– Альфа Лиам, рисунок на его морде... – кивком указала на темные полосы поперек морды Дариана. – Так и должно быть?

– Нет. Раньше Дар был светлее, полосы появились пару месяцев назад. Такое бывает в период полового созревания... Дариан – молодой альфа, – с неохотой пояснил каннис, видя мое удивление. – Для нас созревание заканчивается после формирования промежуточной формы.

Мысленно присвистнула. Пометкой «угробила альфу» в личном деле может похвастаться не каждый Каратель, молчу про патрульного!

Раздражающе пища, на мой вспотевший лоб сел комар, я

машинально подняла левую руку, рассчитывая прибить надоедливое насекомое, и замерла, когда в поле зрения попали странные полосы на морде волка и мои собственные тату.

Ну конечно! Есть только одно заклинание без ментального вмешательства, остаточной магии или отпечатка на ауре – магия чернил.оборотни крайне щепетильно относились к татуировкам на своих телах, так как вводимая под кожу краска появлялась на шкуре и могла испортить природный окрас. При обращении в волка или обратно кто-то из членов стаи обязательно бы заметил на теле Дариана знак, оставленный неизвестным магом. Если только тот не был искусно спрятан!

– Альфа, заставь его перекинуться!

Дариан еще не до конца принял человеческий облик, а я уже копошилась среди длинных светлых волос на голове парня, одновременно желая и не желая, чтобы моя догадка подтвердилась.

– Что? Неужели все-таки блохи? – чуть криво улыбнулся подошедший напарник.

– Хуже... – прошептала я, разделяя волосы на затылке так, чтобы среди светлых прядей стала видна тонкая линия вбитых под кожу чернил. – Бурый, кажется, у него одна из печатей Карателя.

Глава 3

В участке нас ждали.

– Златокудрочка! – радостно воскликнул лейтенант Пэрри, заметив нашу компанию в холле участка.

Бурый бочком-бочком попятился в сторону и нырнул за угол, проявив удивительные для такого массивного тела способности к незаметному исчезновению. Я к побегу друга отнеслась с философским пониманием – кому ж приятно попасть под гневную тираду Милмэна Пэрри! А в том, что она последует, не сомневался никто.

– Красавица моя! – Лейтенант подошел ближе. – Раз эволюционный скачок развития ушел вперед, забыв о тебе, маленькой лохматой неудачнице, то буду изъясняться доступными для твоего крохотного разума выражениями. Плохая! Плохая девочка! – Он пару раз шлепнул меня по голове скрученной газетой. – Когда папочка кидает папку в ящик «дело закрыто», это значит, что расследование закончено! Плохая! Плохая девочка! Сахарной косточки на ужин не жди!

– Лейтенант Пэрри, – я устала и была вымотана настолько, что даже не чувствовала обычного трепета перед жутким и язвительным Пэрри, – если бы вы не были так заняты придумыванием красочных метафор для своих ехидных речей и ознакомились с материалами дела, то уже знали бы, что расследование получило статус «особо важное» и возобнов-

лено по приказу капитана Балбери. И еще, – решила я идти до конца, – лейтенант, будьте так добры не орать на меня в присутствии посторонних!

В просторном холле участка повисла напряженная тишина.

– Подождите минутку! – громкий шепот дежурной был хорошо различим. – Ничего страшного с вашим трупом уже не произойдет, пусть и дальше себе тихонечко лежит. Ну и что, что он в вашей постели. Спали же вы как-то до этого, значит, потерпите еще пару минут, – заявила женщина непрерываемым тоном, накрыла рукой крохотный микрофон у рта и выжидательно уставилась на лейтенанта Пэрри.

Глаза мужчины превратились в два колодца обжигающей ярости, желваки заходили ходуном, на виске запульсировала жилка. Ой, что сейчас будет...

– Вы только поглядите, – чеканя каждое слово, насмешливо начал мой начальник, – у златокудрочки наконец-то опустились яички и вырос кадык! Дай посмотрю, может, на щеках уже полезла жиденьякая бороденка? Девочка моя, это железка в твоей спине сотворила такое или кто-то продал тебе капельку самоуважения? Ой, и не надо сверкать глазками, мне плевать, Каратель ты или баба на чайнике! Рассказывай, что у вас стряслось?

– Сэр, есть доказательства, что каннис Дариан...

Лейтенант Пэрри показательно широко зевнул и издевательски пропел:

– Ску-ка! Честно говоря, даже если сами создатели явят себя прямо здесь, на пороге участка, возьмутся за руки и начнут водить голые хороводы, то и тогда уровень моего интереса к этому делу не поднимется с отметки «скучища, скука скучная»...

Я скрестила руки на груди в защитной позе и приготовилась внимать желчной тираде.

– Недалекая моя, позволь напомнить тебе о прописных правилах участка 9–9, – лейтенант был явно в ударе. – Некоторые из них не лишены смысла, как, например, то, что, подходя к полицейскому кару, надо всегда проверять – не забыл ли какой-нибудь дебил из прошлой смены выгрузить задержанных, да, Дерек?

Патрульный смущенно опустил голову.

– Другие правила, откровенно говоря, странные. Я каждый год дарю капитану Балбери коробку импортного лубриканта и мазь от радикулита, сопровождая свой подарок словами: «Держи, дружище! Тебе ведь целый год прогибаться под начальство!» и мысленным посылом «Когда ты сдохнешь, мразь продажная?» А теперь внимание! – Мужчина пощелкал пальцами у кончика моего носа. – Главное правило участка: патрульные никогда не вмешиваются в расследования. Никогда-никогда-никогда! Распутывать дела – задача следователей, патруль – для быстрого реагирования и поддержания порядка на улицах, Каратели – для немедленного суда, стажеры – пустое место с бесплатной опцией «прине-

си-подай». Ты все уяснила?

– Да, сэр.

– Тогда проваливай с глаз моих, а то вид твоей кровоточащей руки вызывает у меня стойкое желание добить тебя поскорее! Волчонка вниз для оформления задержания и сдачи личных вещей... Чего застыли? Работаем-работаем!

Все скоренько разбежались по своим делам. В участке вообще все двигались так, словно жили в состоянии внезапно грянувшего аврала, и только капитан Балбери позволял себе такую роскошь, как неспешные прогулки от кабинета до кафетерия, но и он обретал невероятную прыткость, едва порог участка пересекал кто-то из начальства.

Перед посещением медиков я заглянула в лабораторию к Ларсу, чтобы предупредить приятеля о скором поступлении канниси. Магия чернил была сложной, уникальной и, честно говоря, давно забытой, а мне хотелось, чтобы Дариану помогли избавиться от этой заразы как можно скорее.

Молодой вундеркинд пришел в неопиcуемый восторг от новой загадки и полез под стол в поисках машинки для бритья. Ларс дневал и ночевал в своей лаборатории, поэтому наличие личных вещей на рабочем месте я не удивилась, а вот тот энтузиазм, с которым приятель покосился на столик с инструментами, откровенно говоря, испугал. Надеюсь, Ларс пощадит Дариана и не оставит волчонка с чем-то наподобие боевого хаера подгорных народов.

После посещения медиков, стянувших края раны фикса-

торами и наложивших тугую повязку, я попробовала активировать печать для связи, разочарованно вздохнула и поплелась в диспетчерскую.

Девочки встретили меня сладковато-приторным певучим воплем «Привет, Беатрис!» вкупе с ядовито-убийственными взглядами. Я окинула равнодушным взглядом этот террариум подруг с табличкой «Диспетчерская» на входе и направилась к Кайре.

Кайра была тем самым диспетчером экстренной службы, с которым я общалась во время взрыва департамента. Ее перевели в наш участок где-то с месяц назад, и с тех пор мы стали лучшими подругами.

– Патрульный Клауд, – спокойным голосом выговаривала девушка, аккуратно подпиливая острые ногти, – еще один сальный подкат, и я позвоню вашей матушкой, заявлю, что беременна, а вы отказываетесь на мне жениться. Потом объединю вызовы, и пущу этот разговор на открытой волне, чтобы каждый слышал, как мадам Клауд орет о своем страстном желании покачать внуков. Все ясно? – И уже мне: – Привет, Трис! Участок полон слухов...

Я громко вздохнула и устало привалилась на край стола. Порой казалось, что сплетни по участку передаются не от человека к человеку, а воздушно-капельным путем, как грипп! Узнать, насколько сильно переврали первоначальную версию событий, хотелось жутко, но было и кое-что поважнее.

– Кайра, пусти в Сферу, – тихо попросила я, демонстрируя перебинтованную руку. – Печать пострадала, а мне нужно срочно связаться со своими.

Сферой называли площадку метр на метр в дальнем конце зала, которая при работе излучала голубоватое призрачное поле, окружавшее голову и грудь человека. Это была портативная станция связи, покрывающая все Темные земли, причем этой штукой мог пользоваться даже тот, в ком магический дар отсутствовал. Сферой для связи с Карателями я воспользовалась впервые, поэтому слегка растерялась, увидев перед собой заспанного мужчину в бордовой шелковой пижаме.

– Трис? – Он был удивлен моему звонку не меньше, но после того, как я рассказала о случившемся, лицо мужчины окаменело и приобрело хищнические черты. – Ты уверена, что это наша печать? Точно? Хм... – связной задумался, а потом решительно хлопнул в ладони. – Ладно! Будь там, пока не приедут наши. Я попробую уговорить мастера Фоука посмотреть на каннису.

Закончив разговор, я с благодарной улыбкой приняла подsunутую Кайрой чашку с кофе и заторопилась в лабораторию. У распахнутых дверей, ведущих в вотчину науки, тихонько переругивались два лаборанта – темноволосый Бакстер и веснушчатый Рауди. Ларс дал парочке задание побрить волчонка, причем не только голову, но и пах, и теперь эти двое неудачников кидали жребий, решая, кому какую часть

тела предстоит лишать естественного покрова.

Представив боевой ирокез в интимном месте, причем почему-то ярко-зеленого цвета, я тихонько фыркнула и решила зайти попозже. Мало ли чего? А вдруг Бакстер и Рауди вспомнят, кто приволок каннису в управление, и сделают меня крайней.

Решив переждать следующие пять минут на лестнице, потягивая приготовленный подругой кофе, я завернула за угол и уже начала спускаться вниз, как на меня налетел один из стажеров нового пополнения. Поднимающийся парень боднул меня головой в живот, я ойкнула от неожиданности, села на ступеньку и выпустила чашку из рук. Та с печальным «бряк!» плюхнулась на керамический бок, дала трещину и начала истекать кофе.

Лохматое несчастье, кажется, его звали Шоном, бросилось собирать выпавшие папки, попутно извиняясь передо мной, схватилося за голову, воскликнуло: «Забыл!» и умчалось прочь, оставив меня оплакивать чашку, разбитую на две неравные части, в гордом одиночестве.

И как теперь возвращать безвременно почившую посуду Кайре?

Вздохнув, я поднялась, отряхнула филей, заодно проверив его целостность, и обнаружила листок, сиротливо приотулившийся на ступеньке в трех пролетах подо мной.

В участке была принята цветовая схема сортировки информации, поэтому за каждым отделом прикрепили свой

цвет бумаги: лаборатория – лимонный, криминалисты – цвет мякоти арбуза, юристы – крем-брюле, бухгалтерия – фиштаксовый, для капитана Балбери – зеленый, как сочные листья салата...

Стоп! И с чего меня так на еде заклинило?

Желудок безрадостно булькнул, напоминая, что пончик и бурда, которую в круглосуточной кафешке выдавали за кофе, совсем не то, чем должен питаться добропорядочный Каратель. Напомнила себе, что «добропорядочный Каратель» из меня не выйдет, даже если за дело возьмутся все Ведущие разом, и посмотрела вниз. Лежащий на ступеньках листок был светло-голубым, что означало: стажер потерял отчет кого-то из патруля. Возможно, даже мой.

Прихватив осколки чашки, я спустилась вниз, подобрала бумажку и пришла в неопиcуемый восторг – у меня в руках оказался отчет патрульного Эрика Дабела. Высокий, темно-волосый, с алебастровой кожей, полукровка из клана Охраняющих ночь славился на весь участок неповторимыми литературными перлами. Его перу принадлежало:

«Труп лежал ровно, руки, ноги вдоль тела, все твердое и невкусно пахнет. Голова разбита в хлам». Фразу цитировали весь прошлый месяц, а потом скинулись и подарили иностранцу сертификат на пять уроков у репетитора. Учитель не помог. Как я это поняла? Видела утренний отчет Дабела, где черным по голубому было выведено:

«Рядом обнаружилась лужа белесоватой жидкости, по

вкусу и цвету напоминающей мужское семя...»

Предвкушая очередной перл, я вчиталась в кривые закорючки патрульного и замерла. Дабел был на месте гибели той самой женщины, что разорвал вышедший из-под контроля волк Дариана. Елка Юмай, так звали жертву, оказалась юристом по семейным спорам, причем защищала исключительно женщин. Год назад открыла с друзьями свою контору, дела шли неплохо. Одинокая, детей и постоянного парня не было...

Что тут у нас еще полезного? Девятнадцать процентов магии от общей площади? Хм... это уже интересно.

Существовало всего два способа определить магические способности: любительский подход – разозлить индивида и бежать, тот, в ком есть магия, начнет нагревать пространство вокруг себя, некоторые могут даже воспламенить что-то; научный подход – просканировать подопытного с помощью тепловизора. Тепловое изображение даст температурное представление и возможность подсчета «белых», самых горячих зон, отвечающих за магические способности.

Тех, у кого показатель превышал минимальный порог двадцать процентов от общей площади тела, брали на обучение в школы магии, остальным – увы и ах!

Убитой не хватило одного несчастного процента, чтобы стать магом. Представляю, как ей было обидно. С другой стороны, кое-что, наверное, она могла...

Озарение пришло спонтанно. Я вскочила и со всех ног ки-

нулась в кабинет к лейтенанту Пэрри.

– Сэр! Можно вас на минуточку!

Сидящий за своим столом мужчина даже головы не поднял.

– Нет. Я занят!

Но я не собиралась отступать.

– Сэр, я по поводу канниси Дариана. Патрульные прибыли на место убийства в девять вечера, а через час с небольшим в участок позвонил альфа Лиам. За это время патрульные не успели бы провести качественный осмотр...

Милмэн Пэрри резким движением откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и недружелюбно уставился на застывшую в дверях меня.

– Бестолочь моя надоедливая, думаешь, за сорок лет в этой пчелиной клоаке я не уяснил, что патрульные те еще трутни? Если есть хоть крохотная возможность что-то не делать, они тут же собираются в группки и с радостью валяют дурака! Именно поэтому мои ребята уже связываются со свидетелями для повторной дачи показаний, а Катер и Бамбино, вооружившись лупами, в позе «четвереньки» исследуют тот самый тупичок. И раз речь зашла про тупые предметы, муха ты приставучая, почему ты зудишь у меня над ухом свои маловнятные «Бз-з-з! Бз-з-з!», вместо того, чтобы пойти и в оба глаза следить за своим полоумным волком?

– Сэр, я видела убийство глазами канниси Дариана, – скороговоркой выдала я. – Вместо того чтобы сразу разгрызть

женщине шейные позвонки, волк сдавил голосовые связки и повалил ее на землю. Он оторвал запонку и пряжку ремня и только потом принялся убивать.

– Ну и?

Я подошла к столу и протянула светло-голубой листок с каракулями Дабела.

– У женщины девятнадцать процентов магии в ауре. Этого недостаточно, чтобы стать магом, но этого в самый раз, чтобы пользоваться артефактами, накопителями и другими магическими штучками. Сэр, я предполагаю, что запонка и пряжка – защитные артефакты.

Лейтенант с неохотой взял отчет, пробежал глазами, хмыкнул:

– Да, златокудрочка, спокойно работать ты мне не дашь...

В этот момент серебряная пластина связи на моем поясе завибрировала.

«Трис! Скорее сюда!» – раздался испуганный вопль Ларса.

Ойкнув, я развернулась и рванула в лабораторию.

К тому моменту, как я добежала до дверей вотчины молодого гения, там уже лаэрд знает что творилось. На полу, похрапывая и причмокивая мясистыми губами, бессовестно дрых охранник, вырубленный своим же заклинанием. Забившиеся под широкий металлический стол лаборанты отсвечивали симметричными синяками – один под правым глазом, другой – под левым, Ларс наблюдал за всем, сидя наверху

огромного сейфа, где хранились особо опасные реактивы. И в центре всего этого безобразия стоял Дариан, вооруженный злостью и штативом для капельницы.

Есть присказка – «красив как бог», так вот полуголый волчонок был олицетворением данной фразы. Нетипично высокий для каннисов, с широкими плечами, плавно перетекающими в плиты грудных мышц, ровные кирпичики пресса и узкие бедра. Наслаждаясь бесплатной обнаженкой, я окинула парня жадным взглядом и застопорилась на жестких завитках темно-золотой дорожки, спускающейся от пупка вниз, за резинку серо-голубых бесформенных штанов, выданных участком взамен одежды.

– Трис! – радостно воскликнул Ларс, спрыгивая со своего бронированного насеста. – Угомони своего подопечного, пока он мне ценные реактивы не побил.

Дариан смерил говорившего чуть высокомерным взглядом, опустил штатив и посмотрел на меня. Жадно, не скрывая удовольствия от встречи и искреннего интереса, и мне как-то разом стало жарко.

Ларс что-то спросил, но не дождался ответа и убежал к диагностическим мониторам, спрятанным за перегородкой. Из-под стола выползли побитые лаборанты и начали жаловаться. Из их путаных объяснений я поняла следующее – Бакстер и Рауди подключили лежащего на кушетке волчонка к системе сканирования, сделали стандартный забор крови и вооружились бритвами. Но стоило Бакстеру, вытянув-

шему короткую спичку, потянуть завязки штанов, как оборотень открыл глаза. Увидев двух парней в белых халатах с бритвами наголо, каннис решил, что его планируют оскотить, офигел и ринулся на защиту своего мужского достоинства.

Дариан слушал рассказ молча, все так же не отрывая голодного, потемневшего взгляда от моего смущенного лица.

– Трис! Давай ко мне, – позвал из-за перегородки Ларс, и я торопливо ушла к нему.

Мне нечасто перепадало внимание от вот таких красивых, уверенных в себе парней, как Дариан, да и не верила я, что моя растрепанная, не слишком симпатичная мордашка может заинтересовать такого самца, поэтому чувствовала себя крайне неуверенно.

– Смотри, – Ларс вывел на экран изображение, – это снимок канниса, когда тот просто лежал на кушетке. А вот через пять минут, когда он решил, что ему хотят стручок отчеккрыжить.

Я удивленно приоткрыла рот – разница между изображениями была невероятной, все равно, что сравнивать между собой всполохи солнечной короны и едва тлеющий уголек. Фигура разозлившегося волчонка была окутана ровным светом желто-оранжевых, молочно-белых и кроваво-янтарных всполохов.

– Это из-за той татуировки у него на затылке?

– Трис, – снисходительно протянул мое имя Ларс и глянул

так, словно я великую глупость сморозила, – это всего лишь выброс энергии. Волчонок в будущем станет альфа-самцом, вожаком стаи и все такое... А для них характерен вот такой огненный вихрь вокруг тела. Этот еще молодой и зеленый, а вот в картотеке хранится снимок альфы Эрта, вот там вообще жуть. У меня три датчика сгорело, прежде чем я снимок сделал. Но сейчас о другом, посмотри на область вокруг головы.

Я чуть сощурилась, сверяя изображения, и осторожно спросила:

– Воронка?

– Ага, – коротко кивнул Ларс. – Ставлю свой завтрак, что печать работает как мощный поглотитель энергии. Эта штука впитала внедренную тобой силу Карателя, из-за чего каннис очнулся, а теперь печать принялась жрать самого оборотня.

Я кинула быстрый взгляд на часы, которыми в закутке Ларса было увешано все свободное от мониторов пространство. Молодой гений питал страсть к подобным приборам. Каких только моделей не было в его коллекции – водные, песочные, солнечные, кварцевые, огненные, магнитные, электронные и механические ходики с чокнутой кукушкой, которая голосила аки голая селянка, укушенная в речке за филей. Теперь Ларс мечтал об атомных часах, но капитан Балбери был категорически против соседства с такой опасной штуковиной, поэтому мечта коллекционера оставалась мечтой.

– Четыре ночи... – задумчиво пробормотала я. – Ларс, я связалась со своими, но ты сам понимаешь – пока ребята раскачаются, пока подготовят все необходимое, пока обеспечат мастеру должный по статусу эскорт, пока доберутся, волчонок уже будет остывать в море.

Приятель смешно наморщил длинный нос, в задумчивости погрыз кончик карандаша, встрепнулся и придвинул к себе одну из консолей.

– Есть идеяка, но сперва хочу поглядеть на печать поближе. Так... Бакстер! Рауди! – крикнул он лаборантам. – Вы чего ждете? Пока каннис состарится и сам облысеет?

Но лаборанты наотрез отказались приближаться к скромно притулившемуся на краю кушетки каннису. Пришлось брать в руки лезвие мне.

– Вы когда-нибудь делали это? – уточнил оборотень, наблюдая за тем, как я с сомнением кручу в руках бритву.

– Однажды брата стригла, – рассеянно пробормотала я.

Дариан неожиданно широко и весело улыбнулся.

– Может, первым делом нанести пену для бритья, а там посмотрим?

Под таким очень ненавязчивым руководством волчонок я намылила светлые волосы, потом не удержалась и слегка помассировала кончиками пальцев, печально вздохнула, прощаясь с чужой шевелюрой, и взяла в руки бритву.

В процессе мы разговорились, как-то очень легко и естественно перейдя на «ты». Дариан интересовался работой в

участке, я в свою очередь засыпала его вопросами про канни-сов. Волчьи премудрости оказались для меня в диковинку, поэтому я жадно впитывала новую информацию. Рассказчик из волчонка получился замечательным – я до того заслушалась, что даже не заметила, как обрила его макушку и уже минуты три вожу туда-сюда лезвием по гладкой коже.

– А я молодец! Всего каких-то штук десять порезов и только! – подвела итог.

А что такого? Ведь сама себя не похвалишь, другими в голову не придет!

Пока я, украдкой наслаждаясь своими действиями, водила влажным полотенцем по мощной шее Дариана, его удивительно широким плечам и накаченной спине, убирая пену, мыльные дорожки и мелкие волоски, из-за своей перегородки выскочил Ларс. Он сделал около сотни снимков темно-фиолетовых линий печати во всех мыслимых и немыслимых ракурсах, для чего увлеченному гению даже пришлось вскарабкаться на стул, и убежал обратно.

Правда, ненадолго, уже через пару минут молодой гений вернулся, и фотосъемке подверглись уже мои татуировки.

– Для сверки, – буркнул Ларс в качестве объяснений и вылетел вон.

Пока я мыла руки, Дариан вызвался побрить пах самостоятельно, но желающих давать в руки нестабильному оборотню холодное оружие не нашлось. Бакстер и Рауди с безнадёгой покосились на меня, вздохнули и пошли кидать жребий

по второму кругу. Охранник, которого парни отволокли в уголок, безмятежно дрых. И я ему дико завидовала.

Пока каннис был на сеансе интимной стрижки, я сбегала в кафетерий, нагрузила поднос тарелкой бутербродов, чашками, большим кофейником и вернулась обратно.

Но легкий перекус ситуацию не исправил, в следующие полчаса Дариану стало хуже – поднялась температура, на лице выступил пот. Оборотень храбрился, пока не потерял от слабости сознание.

Парня уложили на кушетку и вновь подключили к аппаратам. Ларс тихонько матерился и пытался замедлить процесс, но загадочная печать поглощала энергию с невероятной скоростью. Первым делом Ларс сделал несколько разрезов поперек основных линий, но, вопреки ожиданиям, печать продолжила работу.

– Халтурщики твои Каратели, – фыркнул Ларс, недовольно косясь на мою руку.

Дальше были попытки перенаправить поток, закачать в печать стороннюю магию, зациклить действие печати так, чтобы она поглощала ту энергию, что уже впитала в себя, и многое другое. Еще через час Дариана начала бить крупная дрожь, он уже с трудом дышал, даже со специальной маской на лице. В итоге уставший Ларс сдался и скомандовал:

– Трис, садись рядом и вливай в него свою силу. Может, хоть так получится продержатъ его до приезда твоих.

Я тут же опустилась на стул рядом с кушеткой, взяла хо-

лодные пальцы парня и почувствовала, как печать потянула из меня силу.

Вливание помогло, уже через пару минут кожа парня потеплела, с губ сошла синюшная бледность, и его перестало трясти. Почувствовав прикосновение, Дариан поднял веки, встретился со мной глазами и слабо улыбнулся.

– Все будет хорошо, – прошептала одними губами и тоже улыбнулась.

Дариан переплел наши пальцы, прикрыл глаза, наблюдая сквозь густые ресницы, и начал поглаживать мою руку. Движения были мягкими, волнующими и удивительно приятными. Я чуть сдвинулась, устраиваясь поудобнее, потом наклонилась вперед, уронила тяжелую голову на постель и тоже прикрыла глаза.

Бессонная ночь давала о себе знать, чувство усталости обнимало за плечи, и я почувствовала, как медленно, но верно начинаю проваливаться в сон.

Проснулась оттого, что кто-то жарко дышал мне в висок. Открыла глаза, с удивлением обнаружила прямо перед собой мускулистое плечо, прислушалась к ощущениям в теле и окончательно растерялась. Я лежала на боку, а чьи-то сильные руки властно держали меня в своих объятьях, притиснув к голой груди и зажав мои ноги между своих.

Попробовала было осторожно отстраниться, но стоило лишь чуть-чуть шевельнуть головой, как захват усилился, став почти болезненным, послышалось недовольное рыча-

ние, и все вернулось на круги своя.

– Дариан... – хриплым ото сна голосом позвала я.

– Спи, – сонно проворчал парень, мазнул губами по моему виску и засопел.

Во мне тут же проснулась воспитанная девочка и начала возмущенно выговаривать что-то в адрес обнаглевшего канниси, за ней из спячки вышла феминистка, напомнив, что вот такое вот подавляюще-унизительное отношение нам не нравится и нравиться ну никак не может, а потом голову от подушки подняла лень. Лень сонно зевнула и здраво рассудила, что возмущаться мы сможем в любой удобный момент, а вот поспать – не факт.

И ведь знала, что ничего хорошего с подсказки лени не случается, но почему-то послушалась, уткнулась в приятно пахнущее морем и солнцем плечо парня и уснула.

В следующий раз я проснулась резко, словно от толчка, и тут же испуганно распахнула глаза. В лаборатории было темно – видимо, Ларс выключил верхний свет. Дариан тихонько лежал на боку рядом, продолжая обнимать меня на манер любимой игрушки. У изголовья кровати, сразу за моей спиной, негромко пищали приборы, своей стабильностью подтверждая, что волчонок чуток оклемался, но меня не оставляло настойчивое ощущение тревоги. Игнорируя недовольное рычание оборотня, тоже проснувшегося по моей вине, я подняла голову, выглянула из-за мускулистого плеча и напоролась на взбешенный взгляд серых глаз.

– Выспались, голубки? – негромкий баритон заставил мое сердце прыгнуть в пятки, вернуться на место и заколотиться в ускоренном ритме.

Я зажмурилась от страха и позорно спряталась обратно за оборотня.

Глава 4

Кайра говорит, что в отношениях самым важным является взаимность и стабильность. В отношениях с мужчиной, застывшем на пороге лаборатории, у меня было полное попадание! Два из двух.

Азамат был преемником Томи, того самого Карателя, с которым мы спасали здание департамента, но когда нас откопали из-под обломков, выяснилось, что по какой-то неясной причине сила выбрала в качестве сосуда меня, а не подготовленного Аза.

Но окончательно противного блондина добила новость о том, что он становится моим наставником. Услышав о назначении, Азамат скорчил такую страшную физиономию, что жутко стало не только мне, но и руководителю Цитадели.

Сероглазый блондин на дух не переносил свою подопечную, а я платила тем же, при этом виделись мы три раза в неделю. После каждого такого занятия с Азом хотелось сдохнуть. От мысли, что все повторится уже через пару дней – самостоятельно прикопаться под надгробием. От понимания, что никуда я от наставника не денусь – совершить ритуальное самоубийство и добровольно передать Азамату силу.

Уткнувшись лицом в пахнущую морем теплую грудь Дариана, я тихонько застонала, мечтая лишь о том, чтобы явление наставника оказалось лишь жутким утренним кошма-

ром. Пожалуйста, пусть это будет кошмаром!

– Беатрис, мне долго ждать? – в голосе наставника слышалось неприкрытое раздражение.

Ну все... Теперь мне гарантированно кирдык!

Сейчас соберу остатки гордости, сползу с кушетки и вперед – на разбор полетов. И я ни капельки не боюсь Аза. Я сказала, не боюсь!

Решимости хватило даже на то, чтобы приблизиться к мужчине вплотную, поднять голову и с вызовом глянуть в потемневшие, словно предгрозовое небо, глаза.

– Доброе утро, – решила быть как минимум вежливой, зубы в три ряда всегда показать успею. – Мы вообще-то мастера Фоука ждали. Он приехал?

– Внизу, – снизошел до ответа Азамат, глядя куда-то поверх моей головы, потом резким движением схватил мою руку, подцепил пальцами край повязки и дернул. Оторванный пластырь обжег кожу, я вскрикнула от неожиданности и тут же ощутила за своей спиной Дариана.

– Отойди от моей женщины, – глухо прорычал каннис, обнимая меня за талию и тесно прижимая к себе.

Ну, класс! Вот так поспишь с мужчиной одну ночьку и все – прости-прощай свободная жизнь, теперь ты его законная добыча!

Все еще пребывая в глубочайшем шоке от громкого заявления хвостатого торопыги, я опасливо покосилась на наставника. Азамат сперва внимательно осмотрел мою постра-

давшую конечность и только потом удостоил Дариана своим вниманием.

Азамат не уступал высокому каннису в росте и телосложении, но заметно проигрывал внешне. В отличие от притягательно-красивого канниса, лицо Аза состояло сплошь из резких, каких-то неправильных черт – длинный нос со сломанной переносицей, тонкий шрам, пересекающий левую бровь и щеку, а еще мужчина никогда не улыбался, предпочитая кривить губы в скептической усмешке, чем всегда меня дико бесил.

– Твоя женщина... – задумчиво протянул он, и из его уст это прозвучало как грубое оскорбление.

Так неудачно начавшееся утро решило, что мне было мало сюрпризов, и преподнесло на блюдечке еще один шок. А иначе как еще объяснить тот факт, что Аз резко дернул меня к себе и с наглым видом заявил:

– Не отдам.

За моей спиной глухо, с неприкрытой угрозой зарычал Дариан, которому никто не объяснил, что под «не отдам» Азамат имел в виду меня не как девушку, а как Карателя.

– На ней нет твоего запаха, – меня снова дернули и прижали к голой груди. – А раз вы не спите вместе, значит, Трис свободна.

– Вот-вот! – поддакнула я, намереваясь подчеркнуть слово «свободна», но Азамат как-то превратно истолковал мое восклицание и снова дернул к себе.

– У нас прочная связь на энергетическом уровне...

– А у нас на чувственном и физиологическом...

– Ты труп, волчонок.

– Это мы еще посмотрим.

– Хватит! – воскликнула я, делая попытку вырваться, но мужчины как с цепи сорвались – Дариан только теснее прижал к себе, а Аз сделал плавный шаг, уничтожая имеющееся между нами пространство. Я сдавленно пискнула, зажатая между двумя сильными телами, как в тисках, дернулась и заметила в дверях лаборатории невысокого хрупкого старичка в просторной белой рубашке навыпуск и серых брюках. Мастер Фоук глядел на мир слепыми глазами и задумчиво улыбался, прислушиваясь к происходящему. Рядом, придерживая его за локоть, стоял один из сопровождающих.

– А я смотрю, у вас тут весело, – сообщил мужчина в черной форме, принятой в Цитадели, и осторожно ввел мастера в лабораторию. – Азамат, решать, конечно, тебе, но мордобой законники не одобряют. Нас и так со скрипом пустили в вотчину правопорядка, не портить отношения.

Аз посмотрел поверх моей головы на Дариана, и я невольно вздрогнула – в серых глазах было ну тако-о-о-е обещание прибить, что любой здравомыслящий человек уже давно отказался бы от всяких притязаний на мою скромную персону. Дариан человеком не был, а у каннисов весьма специфические представления о том, как надо добиваться понравившейся девушки.

Волчонок дождался, пока Азамат отойдет на несколько шагов, обхватил мой подбородок двумя пальцами, заставляя запрокинуть голову.

– Моя! – непреклонно выдохнул он мне в губы и поцеловал.

Хотя до поцелуя там было так же далеко, как до хозяев Поднебесной. Волчонок просто невесомо коснулся моей нижней губы своими, чуть сжал ее зубами, а затем ласково провел языком. Но эта простая ласка отчего-то привела меня в полный восторг.

Почувствовав, как сбилось мое дыхание и участился пульс, Дариан довольно улыбнулся и медленно провел кончиками пальцев по моей шее вниз, а я хрипло вздохнула и закрыла глаза. И меня снова дернули, на этот раз вырвав из объятий волчонка.

Ну, все! Сейчас я кого-то прибую, потом попинаю его труп ногами, а после буду долго смеяться на похоронах!

– Беатрис! – вопреки моим кровожадным ожиданиям рядом оказался мастер Фоук. – Твоя рука...

– Да все в порядке! – Я вежливо улыбнулась и попыталась вытащить многострадальную конечность из цепких пальцев, но дряхлый с виду старичок держал крепко. – Мастер, может, вы сперва осмотрите Дариана? – решила переключить внимание Фоука.

– Трис, тебя отвергает сила, – старичок выпустил мою руку из захвата и неожиданно подтолкнул к выходу. – Немед-

ленно возвращайся в Цитадель. Слышишь? Время идет на минуты!

Я опустила взгляд и только теперь заметила, что две соседние с порезом печати тоже погасли.

– Ну, чего застыла! – суетился обеспокоенный Фоук. – Аз, проводи свою подопечную. Скорее!

Старичок практически вытолкнул меня из лаборатории, после чего эстафету перехватил Азамат. Он больно стиснул мое плечо сильными пальцами и потянул за собой на парковку. Я покорно переставляла ноги и тихонько клокотала от злости, но в каре, принадлежащем Цитадели, меня прорвало.

– Что за цирк ты там устроил? – зашипела я, сверкая глазами.

Блондин завел двигатель, развернулся ко мне вполоборота и растянул губы в кривой усмешке.

– Ты же умная девочка, должна догадаться.

Я нахмурилась и начала анализировать ситуацию, ища подвох. Долго напрягать извилины не потребовалось – подвох обнаружился практически сразу. Наставник видел мою руку, и понял, ну не мог не понять, что сила отвергает меня, но, вместо того чтобы отправить в Цитадель, устроил сценку с перетягиванием. А если учесть, что Аз – единственный подходящий сосуд, в который так стремится перекочевать моя сила, то напрашивается только один вывод...

– Ты тянул время! – обвинительно ткнула мужчину в плечо.

– Ну просто чудеса дедукции, – закатил глаза наставник.

С трудом подавила желание пнуть эту двуличную сволочь и сжала кулаки.

– Ты... Ты... Ты такой гад!

Азамат пожал плечами, включил радио и с безмятежным выражением на некрасивом лице начал мурлыкать под нос песенку. Я обиженно скрестила руки на груди и отвернулась к окну.

Я, конечно, понимаю. Конкуренция и все дела, но совесть же иметь надо! Покосилась на Аза. Нет, у такого совесть если и была, то когда-то очень-очень давно и бесследно пропала вместе с умением улыбаться.

– Ты ела? – неожиданно прервал свои немзыкальные завывания мужчина.

В ответ я очень эмоционально ругнулась и полезла в рюкзак, который успела прихватить по пути из раздевалки. После исповеди Карателю требовалось обогатить организм необходимыми витаминами и микроэлементами, причем для каждого человека требовалось восполнить что-то свое, поэтому нам выдавали специальные батончики и тонирующие напитки.

– Опять забыла? – полуутвердительно произнес блондин, краем глаза наблюдая за тем, как я роюсь в недрах рюкзака.

– Не забыла! Просто найти не могу!

И хотя было очевидно, что искомого я не обнаружу, упрямо прикусила нижнюю губу и продолжила методичное пере-

тряхивание содержимого. Создатель, сколько же ненужных вещей я с собой таскаю! Спрашивается, вот для чего мне пачка старых чеков? А пилка для ногтей? Я же маникюр в последний раз делала для выпускного в академии!

– Контейнер на заднем сиденье, – тихо произнес наставник, не отрывая взгляда от дороги.

Я недоверчиво оглянулась, забрала белый прямоугольник с бумажной наклейкой с моим именем и задумчиво покосилась на мужчину. Вот и как его понимать? Конечно, приятно, что Азамат вспомнил о моем разгильдяйском отношении к еде и позаботился, но с другой – еще были свежи воспоминания о случившемся в лаборатории.

– Аз, а тебе внутренние противоречия спать не мешают? – любопытствовала я, откусывая сразу половину от энергетического батончика.

Блондин неопределенно качнул головой и поднял другую, более важную тему.

– Есть мысли относительно того, почему сила начала тебя отвергать?

– Угу, – говорить с набитым ртом было неудобно, поэтому я мужественно запила безвкусную протеиновую фигню не менее отвратительным коктейлем и поторопилась проглотить гадость до того, как вкусовые рецепторы очухаются и известят мозг. – Бэ-э... – скривилась я. – Почему никто не догадался положить в эту дрянь сахар?

– А не поможет, – веско заявил Аз и напомнил: – Сила.

Почему сила задумалась о переезде в другой сосуд?

– Да все же очевидно, – вертя пластиковый шейкер с остатками протеиновой бурды, откликнулась я. – На исповеди сила признала Дариана виновным, а я... А меня как предчувствие кольнуло. Думаю, ну не мог он загрызть незнакомую женщину. А потом волчонок окончательно взбесился, чем только подтвердил подозрения. Ну и во-о-от...

Пару минут после такого мегасодержательного рассказа мы ехали молча, а затем Азамат спросил:

– Он тебе понравился?

Я картинно подняла брови и вопросительно посмотрела на блондина.

– Ты плохо ладишь с мужчинами, но волчонок до совместной ночевки допустила, – пояснил Аз свои вывод.

– И?

– Каратели бесстрастны, – напомнил мужчина. – Но если ты спасала паренька по собственному интересу, то причина отторжения вполне понятна.

– Ладно, признаюсь, – подняла я руки, – если бы Дариан был одноглазым горбуном, моя рука, возможно бы, и не дрогнула, но если бы я не засмотрелась... в смысле, не засомневалась! Я хотела сказать – не засомневалась!

Я вздохнула, обхватила виски пальцами и с нажимом помассировала. Как же мне не нравится самокопание! Особенно с утра пораньше. Особенно в компании с Азом!

– Я просто хочу сказать, какая разница, чем я руковод-

ствовалась, если в итоге оказалась права – волчонок не виноват, его подставили!

– Ты действительно так думаешь? – серые глаза посмотрели на меня с плохо скрываемым разочарованием.

Открыла рот, чтобы выдать громогласное «да!», и тут же закрыла.

– В любом случае твои заблуждения мне только на руку. Чем больше ты сделаешь ошибок, тем быстрее сила решит переселиться в меня и не придется ждать твоей скоропостижной кончины, – подвел итог блондин, въезжая на территорию Цитадели.

Надо же! И как мы так быстро доехали?

– Аз! – позвала я, выбираясь из кара, дождалась, пока сероглазый блондин обратит на меня внимание, ехидно улыбнулась:

– Хрен тебе, а не моя сила! – И рванула в Цитадель.

Что сказать? Я в сотый раз оказалась права – Аз обломался. Сила, уже присевшая в дверях на дорожку, резко одумалась и пошла разбирать вещи. Противный блондин только попинал ногами стену в бессильной ярости и ушел, уже из коридора напомнив, что ждет меня через час на тренировку.

– Не бережешь ты его нервы, – пряча улыбку, попенял Вжик, помогая мне выбраться из медицинской капсулы, сконструированной специально для таких случаев.

Влад Вжижинский, по прозвищу Вжик, был лучиком солнца, томящимся в сером граните Цитадели. Яркий, ве-

селый, энергичный и удивительно позитивный. Вжик был невысоким, щуплым, с копной восхитительный медных кудряшек на голове и россыпью веснушек на лице, и я только диву давалась, как это чудо затесалось в ряды размеренно-спокойных работников Цитадели.

У меня был выбор: остаться с Владом или пойти подремать, но я решила, что получасовой отдых особо не спасет, а вот час в хорошей компании сделает мой день ярче.

Поговаривали, что Вжик однажды отпилил пациенту ступню, заменив обезболивающее анекдотами. Не знаю, правда это или преувеличение, но час пролетел незаметно. От рыжего позитивного чуда я бодренько бежала к сероглазому холодному наставнику и никак не могла прогнать с губ веселую улыбку.

– На тренировку как на праздник? – ехидно любопытствовал блондин, и началось...

Все последующее можно охарактеризовать емкой фразой – Азамат мстил. В качестве разминки мне была предложена полоса препятствий повышенной сложности, далее последовала долгая, нудная растяжка, и так как я была особой не особо гибкой, то очень болезненная. Завершить мое физическое совершенствование наставник решил коротеньким заплывом.

– До острова и обратно, – скомандовал гадко ухмыляющийся блондин, стаскивая с ног сапоги.

Плавала я отвратительно, к тому же до ужаса боялась глу-

бины, поэтому без энтузиазма посмотрела на зеркальную гладь острова и вздохнула. Ох как не хочется! Вода ведь холодная-холодная... И наставник вон как недобро сверкает серыми глазами...

Азамат оценил пантомиму «Трис терзается сомнениями», сграбастал меня за шиворот и... Короче, этап акклиматизации прошла я довольно-таки быстро и очень неожиданно.

Едва отплевалась от воды, закинула на мостки сапожки, вмиг отяжелевшие, и чуть отплыла от берега, как рядом нарисовался наставник, схватил и потянул на дно.

Ох... Если Аз тренирует меня по какой-то программе, то хотела бы я ознакомиться с учебным планом и методичкой, потому как сомневаюсь, что выживу после таких неожиданных сюрпризов.

– Не зевай! – заявил гад сероглазый, после того как я где-то с полминуты брыкалась, гневно булькала и пыталась вырваться из захвата, а потом как ни в чем не бывало поплыл вперед.

Азамат плавал так, словно русалка и водяной решили согрешить. Грешили, естественно, пьяные. Иначе как еще объяснить сволочизм получившегося отпрыска.

Но что-то я отвлеклась от темы. Аз плавал просто превосходно, и обычно за то время, пока я, выбиваясь из сил, по-собачьи плыла до острова, блондин успевал доплыть туда, навернуть несколько кругов почета вокруг острова и вернуться обратно на берег. Но сегодня я была так зла, что практиче-

ски не отставала. Ровно до середины озера.

Находясь в самом глубоком месте, Аз неожиданно нырнул и надолго пропал. Не видя перед собой широкой спины и пепельно-белого затылка, служившими для меня ориентиром, я немного заскучала, потеряла азарт состязания и решила перевести дыхание. Легла на спину, улыбнулась далекому голубому небосводу, закрыла глаза, на секундочку расслабилась и...

Да он меня заикой сделает!

– Я же сказал: «не зевай», – заявил этот... этот... нехороший наставник после второй педагогической попытки утопить свою ученицу. – Вперед!

До злополучного острова меня утанули на глубину еще трижды, в итоге прежний страх глубины усилился до настоящей паники. Ужас пощипывал внутренности, холодил нутро и заставлял сердце заходиться в бешеном ритме.

На высокий берег я выскочила, обхватила руками колени и поняла, что вернуться обратно не могу. Да я вообще после такого в воду не зайду!

Прогнав остатки ужаса, я сконцентрировалась на проблеме, точнее, на гадком наставнике. Он что, задался целью расшатать мою нервную систему?

К тому моменту, как над поверхностью воды показалась пепельно-белый ежик Аза, я окончательно вышла из себя, вследствие чего обрушила на его голову злую тираду и камень. От валуна блондин увернулся, речь проигнорировал.

– Отдохнула? Тогда плывем обратно.

И все повторилось... Вот только в двадцати метрах от берега я окончательно сдохла и легла в дрейф. Азамат покачал головой, отругал за то, что я неправильно распределяю силы, но предложить помощь не догадался.

Эх... Все самой приходится делать!

На берег я выползала, после чего рухнула в траву, жадно глотая воздух и хрипя, как старушка с пневмонией. Но Азамат не ведал даже такого простого чувства, как сострадание. Меня едва ли не пинками подняли с земли и погнали в Цитадель. Дальше был десятиминутный душ, обед и учеба.

Каратели стремились к физическому и интеллектуальному совершенству, причем от уровня второго зависело то, как долго твое самосознание сможет противостоять мощи ушедшего создателя, поэтому Каратели очень-очень-очень много читали и знали. И так как я, в отличие от того же Азамата, была неподготовленным сосудом, в который силе просто пришлось переместиться, то мне необходимо было нагонять остальных. А пробелов было много...

Занятия проходили в библиотеке – час на иностранные языки, час на изучение истории и общей политической обстановки, час на чтение философских трудов. В десятиминутных перерывах Аз выкладывал на стол головоломку.

– Трис, прекращай придуриваться! Это легко решают даже дети.

Не знаю, что за вундеркинды ему попадались, но у меня

дело шло очень тяжело. Думаю, что если в такие моменты постараться, то можно услышать надсадный скрип моих извилин.

На мое счастье, в тот момент, когда я пробиралась через витиеватые обороты трактата «Извечное» в поисках смысла и чудовищно широко, с риском вывиха челюсти, зевала, в библиотеку вошел один из секретарей руководителя Цитадели. Азамат строго зыркнул на меня, пригрозил, что вернется и проверит, как усвоен материал, встал и вышел.

Естественно, я тут же отодвинула старенький фолиант с желтыми страницами, положила голову на руки и закрыла глаза. Хор-р-рошо-то как!

Сознание медленно начало уплывать, и даже вероятность быть застуканной сероглазым блондином в разгар сна не пугала. Мысли начали скакать с темы на тему, в темноте закрытых век проступали картинки прошедшего дня, а потом я вспомнила Дариана и резко села.

Так... По уму, Цитадель и участок должны взяться за это дело вместе, но Каратели не расследуют преступления – они верные псы, стерегущие равновесие. В свою очередь, без знаний мастеров, делающих нам печати, участок никогда не разберется в том, как эта штука могла заставить Дариана убить незнакомую ему женщину, соответственно, настоящий преступник так и не будет найден, дело заглохнет, а каннис останется виновным.

С другой стороны, есть я, которая может выступить по-

средником между теми и другими. Ну, или найти нужную для следователей информацию.

Воровато оглянувшись по сторонам, я тихонько встала и на цыпочках пошла к конторке.

Библиотека в Цитадели была необычной и состояла из куполообразного зала с высоким сводом, длинными узкими окнами, забранными решеткой, и удобных столиков, кресел и диванов, где можно было с комфортом устроиться и почитать. Сами книги парили под потолком, порой сбивались в небольшие стопки или начинали кружиться. Если кто-то желал прочесть какую-то из них, ему достаточно было подойти к конторке, написать палочкой на дощечке свой запрос, и книга прилетала прямо в руки.

Азамат застал меня аккурат в тот момент, когда я, прикусив от усердия язык, срисовывала из учебника мастеров печать, отдаленно напоминающую ту, что была набила на затылке Дариана. Наставник не ругался, нет. Он просто сложил руки на широкой груди и посмотрел на меня серыми глазами, а затем растянул губы в зловещей ухмылке.

Книжка самопроизвольно вырвалась из рук и упорхнула вверх, оставляя меня наедине с блондинистой проблемой. Тяжелый философский трактат секунду лежал недвижимым, а потом громко хлопнул обложкой и тоже присоединился к остальным.

От разборок с последующим избиением меня, такой маленькой и слабой, в тренировочном зале, спас внезапно на-

рисовавшийся в дверях Каратель.

– Общий сбор, – хрипло произнес Лука. – Восстало городское кладбище.

Дальнейшее потонуло в торопливых сборах, шуме голов и тревожном ажиотаже. До этого общих сборов не было, поэтому что делать и как себя вести, я не знала, в результате путалась под ногами. Азамат поймал меня за локоть, когда я уже в третий раз перепутала свою пятерку и едва не села в чужой кар.

– Трусилка нервничает?

– Вот еще! – фыркнула я, гордо вскидывая подбородок.

Нервозность и растерянность сменились героическим упрямством, после чего я ожила и распрямила плечи, готовая самолично упокоить всех, кто плохо лежал. И что с того, что такими вещами вообще-то некроманты занимаются, а я даже близко не маг!

Вера в собственную всемогучесть продлилась долго, аж до трех часов ночи, пока гадкий блондин не уронил тяжелую ладонь на мое плечо.

– Хватит.

От неожиданности я моргнула и вышла из общего транса. Заметила, как недовольно поморщились два соседних в линейке Карателя.

– Аз, – тихонько позвала наставника. – Я тут самая сильная в пятерке. Давай подождем еще часик, тогда можно будет полностью смениться со следующей группой.

Азамат окинул ровную линию заслона. Каратели не могли убивать мертвое, зато сосредоточенная в нас сила была способна откидывать восставших из могил, защищая жителей от прорыва этой гадости на улицы Барехолла. Со стороны отряд Карателей смотрелся в высшей степени зрелищно – высокие, сильные мужчины... ну и дохленькая я!

Каратели растянулись длинной цепочкой, на расстоянии пяти метров друг от друга, широко расставив ноги, сжимая рукояти воткнутой в землю огненных мечей... ну и я, вся такая несолидно сидящая на земле, откинувшись спиной на собственный клинок.

– С тебя хватит! – непреклонно покачал головой белобрысик, схватил за шкурку и вытащил упирающуюся меня из общей линии.

– Но, Аз...

– Ты мне эту сказочку про следующую группу уже три раза скормила, – недобро сверкнул глазами мужчина, – теперь идешь к нашему кару и ешь сама. Контейнер на переднем сиденье. Я приду через полчаса. Увижу недоеденный кусочек – начну с ложечки кормить. Все ясно?

– Тиран! – буркнула под нос и поплелась к пяточку, где были припаркованы машины и устроен импровизированный штаб.

Плелась еле-еле просто потому, что всерьез опасалась: вот сейчас сяду в кресло, поем, осоловею от счастья, и навалится усталость. Да такая, что тащить меня обратно в цепь Азамату

придется в лучших традициях пещерного человека – оглушенную сном и за волосы. Был еще вариант, что Аз закинет меня на плечо, чтобы не пачкать форму в рыхлой, влажной земле, но что-то подсказывало – для транспортировки моего усталого тела из пункта А в пункт Б наставник выберет первый способ.

До парковки оставалось не более десяти шагов, когда я услышала приглушенную ругань и полный негодования рык:

– Ублюдок, там же дети!

Глава 5

Позволить пройти мимо такого врожденное любопытство ну никак не могло, поэтому я, невзирая на усталость, сошла с тропинки, забрала чуть левее и засела в кустах, раскинувшихся аккурат за навесом, где стоял штаб.

– Держите себя в руках, – осадил говорившего неприятный мужской голос. – Мы не в состоянии обеспечить безопасность всех. Каратели необходимы здесь, для поддержания барьера.

– Дайте нам всего пару человек! Просто для того, чтобы обеспечить прикрытие, пока стая перевозит детей...

– Я сказал – нет! – повысил голос «неприятный». – В сложившейся ситуации жертвы неизбежны. Горстка детей ничто по сравнению с целым городом.

– Мрразь! – прорычал собеседник.

Кусты задрожали, и из темноты ночи вышел прихрамывающий на левую заднюю лапу волк. Пока я удивленно хлопала ресницами, пытаюсь понять, о каких детях толковал каннис, и вообще, зачем ему понадобился кто-то из Карателей, волк втянул носом воздух.

– Самка...

Хвостатый вздрогнул, резко дернул мордой в сторону и уставился на восток. Секунду волк стоял неподвижно, словно вслушиваясь в одному ему слышимое, и с сожалением

простонал:

– Лиам зовет...

На меня кинули еще один короткий взгляд светящихся желтым глаз, а после волк развернулся и одним красивым прыжком перемахнул кусты, растворяясь в мареве ночи.

– А ну стой! – метнулась я следом.

Бежать пришлось долго – серый и хвостатый не оставил мне и шанса догнать себя, но я упорно ломилась через кусты. Удивительно, но приличное и ухоженное с лицевой стороны кладбище окружали поистине непролазные заросли по бокам. Матерясь и чертыхаясь, я выскочила на поляну и замерла.

Прямо передо мной в заросшей бурьяном беседке сидели трое мертвяков. Двое одеты попроще – черные, перепачканные в земле костюмы не по размеру, а вот третий щеголял в ослепительно белом фраке и цилиндре. Но не это заставило меня замереть с открытым от удивления ртом. Все трое умертвий, украшенные трупными пятнами и следами разложения, держали в руках поднятые граненые стаканы, и что-то подсказывало: прозрачная жидкость – это не вода.

Мертвецы повернулись на треск кустов и тоже замерли, разглядывая меня. Как-то так очень гастрономически, как опытная хозяйка выбирает в мясной лавке кусочек повкуснее.

Подвисшая в тишине ночи неприятная пауза затягивалась.

– Ну... за солидное мужское молчание! – в итоге не выдержала я.

Трупы залпом осушили свои стаканы, крикнули и повернулись ко мне.

– После первой не закусывают! – с улыбкой сообщила я, бодренько пятаясь под защиту кустов.

Восставшие из могил мертвецы задумчиво переглянулись.

– Ыы... – невразумительно выдал «фрак», разводя руками.

– Аы! – ткнул куда-то в сторону один из собутыльников, и мертвая компания пошла искать добавки.

– Лаэрд знает что творится! – пропыхтела я, неодобрительно глядя вслед трем товарищам.

Оставаясь под прикрытием кустов, я осторожно двинулась назад. Шла торопливо, каждые три минуты оглядывая назад, в итоге треснулась лобешником о столб. После эмоциональных высказываний в адрес всяких нехороших, которые изволят тут стоять, поняла, что столб является частью высокой конструкции, напоминающей вышку.

Осмотрела уходящую в небо тронутую ржавчиной лесенку, подпрыгнула и вцепилась пальцами за перекладину. Опыт подсказывал, что если не в состоянии что-то понять, пробуй смотреть на ситуацию с другой позиции. Оказавшись где-то на середине, перекинула ногу через ступеньку, зацепила сгибом локтя перекладину повыше и решила чуток от-

дохнуть, а заодно осмотреться.

Ну что сказать... Господа и милые дамы, нам жопа! Причем не какая-то там тощая, спортивная задница, а крупная, хорошо откормленная жо-па.

Раскинувшееся под моими ногами городское кладбище, начиная от беседки с тремя алкоголиками и заканчивая горизонтом, шевелилось, как потревоженный муравейник. Трупы посвежее штурмовали заслон Карателей, полуразжившиеся покойнички не давали расслабиться трем группам некромантов, пытающихся утихомирить проснувшуюся нежить, но это была только видимая часть. С моего насеста угадывались непонятные твари, произвольно собранные из костей: нечто наподобие пауков, орудуя шестью лапами на манер ковшей экскаваторов, рыло землю, помогая подняться из могил тем, кого закопали поглубже. Чуть в стороне, на белом мраморе фамильной гробницы рода Балбери, основателей нашего чудесного городишки, кучковалась стайка монстриков-летунов. Еще мной было замечено нечто прыгающее и хвостатое и трехметровый великан с пятью головами. Создавалось ощущение, что неизвестный некромант, устроивший все это, в детстве жутко любил конструктор, иначе откуда еще на обычном кладбище могли завестись такие редкостные тварюшки.

Слева от нашего кишашего мертвяками «рая» текла небольшая речка, а на том берегу были сложены высокие костры. Зрение, усиленное печатями, позволяло разглядеть

на полянке три небольших домика а-ля сарай, туалет и летняя кухня, а также штук двадцать палаток, раскинувшихся по полянке, аки разноцветные грибочки. На берегу лежали большие перевернутые вверх дном лодки, узкие байдарки, на натянутой между деревьями веревке сушились оранжевые жилеты.

Вот тоже непонятно, зачем обустройства кемпинг в непосредственной близости от мест захоронения? Владельцы другого места в лесу не нашли или просто любители пощекотать себе и другим нервы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.